

АЛЕКСЕЙ
МАХРОВ

БОЕВИК
ВОЕННО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ

ГОСПОДИН ИЗ ЗАВТРА

БОРИС
ОРЛОВ

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ?

**Алексей Михайлович Махров
Борис Львович Орлов
Господин из завтра.
Времена не выбирают?
Серия «Военно-
фантастический боевик»
Серия «Господин из завтра», книга 1**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3216945

*Господин из завтра. Времена не выбирают?: Яуза : Эксмо; Москва;
2019*

ISBN 978-5-00155-042-6

Аннотация

Почему на протяжении ста лет Российская империя постоянно проигрывала не только великим державам, но и таким лимитрофам, как Япония? Отставание в прогрессе – это естественное течение истории? Вас обманули: естественного хода истории нет! Далекие потомки из 23 века направляют ход событий так, как это удобно хозяевам мира. Но даже в игре против шулера может выпасть козырной туз! И надо суметь им воспользоваться!

Что может один человек, пусть даже его сознание вселилось в безвольного наследника царского престола, будущего ничтожного царя, которому народ дал презрительную кличку «Николашка»? Как выяснится: очень многое!

Содержание

Часть первая. Свежие вчерашние новости	6
Глава 1. Рассказывает Олег Таругин	6
Глава 2. Рассказывает Олег Таругин	30
Глава 3. Рассказывает Олег Таругин	37
Глава 4. Рассказывает Олег Таругин	47
Глава 5. Рассказывает Олег Таругин	55
Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)	64
Рассказывает Олег Таругин	66
Рассказывает Егор Шелихов	76
Глава 6. Рассказывает Олег Таругин	82
Глава 7. Рассказывает Олег Таругин	90
Глава 8. Рассказывает Олег Таругин	99
Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)	102
Рассказывает Олег Таругин	105
Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)	110
Рассказывает Олег Таругин	115
Из сожженного письма ЕИВ Александра III ЕИВ Марии Федоровне	124
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Алексей Махров,
Борис Орлов
Господин из завтра.
Времена не выбирают?**

© Махров А.М., 2019

© Орлов Б.Л., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Часть первая. Свежие вчерашие новости

*Россия – это страна с непредсказуемым
прошлым.
М. Тэтчер*

Глава 1. Рассказывает Олег Таругин

Если вы курите и у вас хоть раз кончалось курево, то вы меня поймете. Когда курящий остался без сигарет, то, как сказал мне один умный человек, «впечатление такое, что про тебя все забыли». Хуже этого только остаться где-нибудь с табачком, но без огня. Это – натуральная полярная лиса!

Все забыли обо мне примерно часа в три пополуночи, когда я насмерть сцепился с посетителями форума «Альтернативная история». Ох, как же меня достали эти гаврики! С одной стороны – нормальные, вполне знающие во многих вопросах ребята, с другой – надутые снобы, которые ни бельмеса не соображают в других вопросах. Ну ведь по-человечески им объясняю, что промышленный потенциал России на рубеже XIX – XX веков просто не был реализован. В случае применения в стране политики типа «большого скачка» при Мао Цзэдуне Россия могла бы выйти на уровень производ-

ства стали раз в десять выше, чем в реальности. Нет, блин, начали меня бомбить байками про несоответствие производительных сил и производственных отношений. Ну, это они мне зря – я классиков еще в институте на «отлично» сдавал. Судя по лексикону, ребята-то много моложе, и эти тезисы я, пожалуй, получше ихнего рублю...

Не знаю, как у вас, а я, когда злюсь, дымлю, словно паровоз, без остановки. Опомнился и остановился, только сунув руку в пустую пачку. Приехали! Придется идти за сигаретами. «Недремлющий брегет» ехидно сообщил мне, что в ближайшие пять-шесть часов курево я смогу приобрести только в круглосуточном магазине, до которого топать минут двадцать. М-да уж. Да делать нечего – придется шагать. Еще хорошо, что я один дома. Лето, пора отпусков, и моя благоверная половинка вместе с тремя беспокойными чадушками пребывает на даче. Через неделю и я к ним присоединюсь, а пока... Вставай, солдат, труба зовет!

Я с детства люблю ночной город. Тогда он казался каким-то волшебным, сказочным. На загадочных ночных мостовых шуршали шаги волшебников и фей, метались тени чудищ и призраков, и становилось чуточку страшно, но безумно интересно. А теперь я иду по спящим улицам города-труженика, города-купца, города-олигарха, и соприкасаюсь с ним, и понимаю его усталость и радость отдыха после долгого трудового дня. И он отвечает мне тем же. Это – мой город, и я люблю его...

Так, а вот этого я не люблю! Загулявшая компания подвыпивших тинейджеров докопалась до пары людей явно старше себя. Женщину схватили за руки, а мужика... Господи, мужичонка-то – с ноготок. Мне небось и до плеча не достанет. А что это там сверкнуло? Ну обнаглели, уроды малолетние.

– Слышь, орлы, вы себе противников по возрасту подбирать не пробовали? Или хотя бы по силе?

Юные шакалы, как по команде, испуганно оборачиваются в мою сторону. Но, решив, что один мужик для них не угроза, успокаиваются.

– Иди, куда шел, козлина! – лениво замечает один из них. Маленькие еще, небитые. Попробую без травм...

– Деточки! Ступайте по постелькам, баиньки! Валите по норам, молокососы, пока дядя добрый!

Точно, небитые. Двое оставляют в покое свою жертву и лениво, вразвалочку, направляются ко мне. В свои сорок с хвостиком я успел трижды побывать на войне и кое-чему там научиться. В частности – определять сразу наиболее опасного противника. Так что крепыш в широченных портках с дрянным выкидным ножом в руке меня мало интересует. Пока. А вот второй – неприятный тип. Из-под низкого обезьяньего лба цепко смотрят маленькие злые глазки. Руки прижаты к телу, сам напрягся, как пружина. Жаль, мальчик, что твоей маме никто не рассказал про аборт...

...Я уйду с линии удара и быстро провожу связку: удар ногой под колено, тут же удар ногой в пах и в завершение –

удар коленом в лицо согнутому оппоненту, которому я добавляю сцепленными руками по затылку. Лягте, юноша, полжите. Только не долго, а то простудитесь на асфальте...

Гоп! Лезвие ножа проходит сантиметрах в двадцати от моего бока. Дитя, никогда не хватайся за нож, если не умеешь им драться. Перехватить руку с ножом недолго, а для успокоения я добавляю упавшему крепышу каблуком под ребра. Спи спокойно, дорогой товарищ! Минут десять ты не боец.

– Ну вы, сученята! Рванули отсюда на рысях, а то я обижусь!

Теперь ко мне кинулись все четверо уцелевших. Упс! Старый я уже стал, толстый и негибкий. Потому-то мне в ухо и прилетело, да так, что на ногах еле устоял. Все, я обиделся!

Ближайший ко мне молодец получил удар в сердце из арсенала незабвенного Брюса Ли. Только тот бил хитро расставленной ладонью, а я – по-простому, по-рабоче-крестьянски, кулаком. Но юноша, кажется, оценил находку бравого китайца. Глаза резко стекленеют, и он мешком валится наземь. Ну-с, продолжим?

Нет, не продолжим. Оценив ситуацию, оставшиеся подростки разворачиваются и смело кидаются наутек. Скатертью дорога! Теперь имеет смысл проверить, не порвали ли мне ухо, и кстати узнать, как дела у пары. Ухо цело, только болит, женщина, кажется, не пострадала, только напугана, а мужчина... Ого! Голова в крови, лицо бледнее мела. Так, я не доктор, и пора звать профессионалов. А женщина...

В свете далекого фонаря я с трудом различаю ее лицо, но, разглядывая его вплотную, могу сказать с уверенностью: она моложе своего спутника лет на...дцать. Совсем еще юная девушка, очень красивая. Точеная фигурка, короткие светлые волосы, огромные лучистые глаза. И смотрят на меня так, как хотел бы любой мужчина – как на последнюю надежду.

– Знаете, похоже, вашему спутнику крепко досталось. Давайте я сейчас «Скорую» вызову.

Она с испугом смотрит на меня:

– «Скорую»? Нет, пожалуйста, не надо...

О как! Что бы это значило? А-а, кажись, знаю... Дурь. Укололись или накурились. Небось, молоденькая подружка решила улучшить «показатели» своего старшего товарища с помощью «допинга», а теперь дергается, что врачи обнаружат. Так-с, ну-ка, ну-ка... Ну да ладно, кажется, голова не так уж пострадала, чтоб он до утра не дожил. Сейчас разберемся...

– Эй, браток. Сам-то встать сможешь?

– Попробую, – голос звучит глухо и неразборчиво, но говорит мужик осмысленно. И то хлеб.

– Давай-ка, друг, помогу. Вот так. Молодец. Ну что, такси вам поймать? Бабки-то есть?

– Нет-нет, такси не нужно, – снова влезает в разговор девица. – Мы сейчас, отсидимся и пойдем.

Миленько. Просто «отсидимся и пойдем»! Что она плетет?

– Девушка, милая, вы ничего не напутали? Да ведь ваш... э... друг в таком виде, что вы дойдете до первого мента. А потом будете долго-долго объяснять, почему ходите в таком виде, что у вас за проблемы со «Скорой» и еще много-много чего...

Она испуганно смотрит на меня, а потом тихо-тихо, почти на самой грани слышимости, спрашивает:

– Простите, вы ведь проживаете поблизости? Возможно, вы могли бы оказать нам гостеприимство?

После этих слов она снова впивается в меня своими фантастическими, лучистыми глазами. Да, таким глазам невозможно отказать...

– Что ж, барышня, прошу вас и вашего спутника проследовать за мной в мою скромную обитель, – по-моему, я довольно верно воспроизвожу ее странную речь. – Позвольте, сударь, предложить вам опереться на мою руку. – Я галантно, с максимумом издевки, протягиваю ладонь мужичку.

– Благодарю вас, сударь, – бормочет он, кажется, на полном серьезе. Мать вашу, вам что – обоим по голове наподдали?

Ладно, пошли. Не очень быстро, но все же куда быстрее парализованных черепах и престарелых улиток мы добираемся до моего подъезда. Девушка тащит в руках значительных размеров портфель не портфель, «дипломат» не «дипломат», а что-то громоздкое, вызывающее в памяти смутно знакомое слово «кофр». Она слишком бурно отреагировала

на мое предложение помочь и теперь тащит сама. Что там у нее? Золото-брильянты?

Я открываю дверь и широким жестом приглашаю неожиданных гостей. А мужичок-то еле стоит. Блин, надо попробовать ему хоть рану промыть.

– Давайте промоем вашу рану и попробуем ее как-то обработать...

– Что вы, что вы. Все прекрасно пройдет. Совершенно незачем беспокоить в такой час прислугу...

При этих словах я сам чуть не падаю на пол. Видимо, в моем взгляде читается что-то такое, что мужичок испуганно умолкает.

– Вот что, любезный, – я подпускаю в голос металла, – у вас что – последние мозги вышибло? Ты чо, брателло, охренел? Какая прислуга в стандартной трешке? Ты что, «Роллс-Ройс» видел у подъезда или девятиэтажку с особняком спутал? А может, те кажется, что моя фамилия Алекперов? Или Чубайс? Так ни фига, орел!

Мои гости молча смотрят на меня, как кролики на удава. Молчу и я. Как там говорилось в «Театре» Моэма? Пауза затягивается. Наконец мужичок выдавливая из себя:

– Простите, а какой сейчас год?

Вот так просто. Какой сейчас год! Наркота? Тяжелое сотрясение? Ну положим... А у девицы? И вообще...

Только сейчас я наконец обращаю внимание на одежду своих нечаянных знакомцев. Черт возьми, если глаза не под-

водят... Да нет, ерунда, такого просто не может быть! Ну подумаешь, у девицы юбка макси, а мужик – в тройке, с часовой цепочкой поперек пуза. И прическа у девушки – м-да, вот это прическа... И ридикюль серебряный... Но так же не бывает!

– Простите, господа, но вы-то сами из какого времени?

– Какой сейчас год? – упрямо спрашивает меня мужчина.

Девушка смотрит своими лучистыми глазами прямо мне в душу и тоже спрашивает:

– Какой сейчас год, умоляю?..

– Ну, 2004-й...

Девушка охает и замирает мышкой. Мужчина тихо оползает вниз по стене, бормоча:

– Девяносто лет, боже мой, девяносто лет...

...Мы сидим за столом на кухне. Я сварил своим гостям кофе, достал припрятанную бутылку с настоящим, привезенным из Армении коньяком. И вот уже битый час я пытаюсь поподробнее узнать особенности быта путешественников по времени...

– ...Все-таки, Леонид, я совершенно не в состоянии понять: как же это у вас получилась такая ошибка? Все же девяносто лет – это почти целый век.

– Видите ли, Олег, это вопрос не ко мне. Я всего лишь историк, так же как и Светлана. За бесперебойное и правильное функционирование оборудования отвечает целый штат людей, которые в прошлое – ни ногой!

– Это как с полетами в космос, – говорит Светлана. – Корабль готовят к полету тысячи людей, за полетом следят сотни, а участвуют в нем единицы.

Она объясняет мне терпеливо, как ребенку. Что ж, с высоты их времени я действительно если и не ребенок, то какой-нибудь дикарь с Андаманских островов – уж точно! Эх, вы, повелители времени! Чего ж с физподготовкой-то у вас такая лажа вышла? Я, конечно, не думал, что в будущем все будут обладать высокой боевой готовностью, но уж в прошлое-то, наверное, можно было заслать кого-то, кто хотя бы за себя постоять умеет?..

Ничего этого я им, разумеется, не говорю. Просто поднимаю рюмку с коньяком, потом делаю глоток кофе.

– И все-таки я никак не могу понять: чего вы так боитесь объяснить мне, что у вас произошло? – И, предвзято новые возражения, продолжаю: – Ведь космонавт хоть и не может исправить поломку, но почти всегда может объяснить, что у него сломалось, нет?

Леонид с неуклюже перебинтованной головой беспомощно смотрит на Светлану, потом начинает что-то путано говорить. Хотя я и не понимаю терминов, сыплющихся на меня как из рога изобилия, но чувствую, что он, мягко говоря, брешет. Еще несколько минут, а потом я интересуюсь:

– А что, судари мои, у вас так принято: врать без зазрения совести?

Леонид умолкает и делает глоток коньяку, запивает его

кофе. Бляха муха, я ж курева-то так и не купил! От же гадство: теперь и коньяк не в коньяк...

Видимо, уловив мой мечущийся взгляд, Леонид вытаскивает из кармана кожаный портсигар.

– Олег, вы не возражаете, если я закурю? – И после моего кивка протягивает портсигар мне: – Угощайтесь.

Беру незнакомую толстую папиросу и с удовольствием закуриваю. Хороший табак. Сейчас таких не делают...

– Видите ли, уважаемый Олег, – его голос звучит как-то неуверенно, – мы, разумеется, знаем... ну, догадываемся, что у нас произошло, но вот рассказать вам... Вы уж поймите нас правильно: существуют некоторые этические запреты, не позволяющие нам рассказывать о себе абориге... жителям другого времени.

Спасибо, дорогие, уважили. Абориген, значит. Ну-ну.

– Знаете, милые потомки, что я вам скажу: вы у нас самые умные, самые прогрессивные, самые этичные, вот только боевым искусствам вас, верно, и вовсе не обучают. А зря – мы, аборигены, свирепы, злобны и страшны. Чуть зазевался – ам! и сожрали. И изнасиловали!

– После того, как сожрали? – пытается хорохориться Леонид.

– Как получится, – я усмехаюсь. – Слушайте, товарищи потомки, у вас что, военные конфликты кончились? Слава Создателю, но что, у вас и преступников нет? И навсегда забыто благородное искусство облегчения ближнему встречи

с хранителем райских врат?

По тому, как они молчали, я понял, что, похоже, попал в точку. Черт возьми! Как писал Лем в одной из своих книг: «розовое ням-ням»!

Видимо, мое отчаянье передалось моим гостям и глубоко их растрогало. Леонид даже попытался пробормотать какие-то извинения, а Светлана... Не знаю, что у них там в будущем еще забыто, но могу с уверенностью сказать: искусство обращения женщин с мужчинами наши потомки не только не забыли, но и подняли на новый качественный уровень. Она так смотрела на меня, так прикасалась к моей руке, что я просто не в состоянии был сердиться или лезть с дальнейшими расспросами...

...Утро встретило меня ярким солнечным светом, пронзительно-голубым небом и светлыми волосами Светланы на моей подушке. Выдираясь из остатков сна, я с трудом вспоминал, как Светлана восхищалась моей способностью трижды перекреститься двухпудовой гирей, как Леонид, грустно вздохнув, отправился спать в одиночестве, а мы с моей гостьей тяпнули еще коньячку и начали старую как мир и вечно юную как мир игру в обольщение. Которая кончилась так же, как кончалась и во времена Хеопса, и во времена Суворова, и будет кончаться во все времена, покуда живы на земле мужчина и женщина...

Сейчас Светлана мирно спала, свернувшись калачиком и трогательно, по-детски, подложив под щеку кулачок. Я

осторожно, боясь разбудить, встал с кровати и выглянул в большую комнату. Леонид тоже изволил почивать, разметавшись на диване. Тихонько натянув трусы и домашние джинсы, я попытался проскользнуть в туалет. Принятая накануне внутрь организма жидкость настойчиво и, я даже сказал бы, требовательно просилась наружу. Однако все еще колышущийся в мозгу алкоголь сыграл со мною злую шутку. Не пройдя по комнате и двух шагов, я зацепил ногой чемоданчик прищельцев и с грохотом растянулся на полу. Мне показалось, что даже стены вздрогнули от звука моего падения. Ох, как неохота вставать! Ведь наверняка сейчас увижу укоризненные глаза Леонида. Да и, пожалуй, Светланы. Но секунды летели, а ребята что-то не спешили проявить свой гнев по поводу столь резкого пробуждения. Я, буквально по миллиметру, встал и огляделся. Удивительно, но прищельцы даже не проснулись. Вот что значит энное количество коньяку, введенное в неокрепшие тела «гостей из будущего»! Ладно, пускай ребята отдохнут. Решив продолжить свой путь в направлении санитарно-гигиенических устройств, я сделал по комнате несколько шагов и почти достиг двери в коридор, как чертов чемоданчик снова «кинулся» мне в ноги. Слава Единому, на этот раз обошлось без падения! Вот же зараза! И как он тут очутился? Предыдущая «стыковка» произошла у стола. Ага, это же я при первом контакте его сюда зафутболил. Кряхтя, я нагнулся, чтобы убрать вредную вещь с прохода. И тут же с досадой заметил, что двойное соприкос-

новение с моей ногой не прошло для чемоданчика даром – замок выдержал, а петли отвалились. Досадуя на себя, я попытался приладить их на место, но сделал только хуже – язычок замка последовал примеру петель. Черт возьми! Из какой дряни они там у себя в будущем вещи делают?! Схватив в охапку обе половинки и стараясь, чтобы содержимое не вывалилось по дороге, я отнес «инвалида» на кухню и почти бегом устремился в туалет. Вовремя!

Облегчившись, я перешел в ванную, чтобы умыться, побриться и щедро надушиться одеколоном. Не хотелось предстать пред светлы очи Светланы в затрапезном виде. Да, и обязательно надеть свежую рубашку! Насвистывая что-то из творчества Лебедева-Кумача, я врубил душ, но тут длинная трель дверного звонка заставила меня подпрыгнуть на месте. Первой мыслью было: жена!!! Вернулась с дачи пораньше, чтобы сделать любимому мужу приятный сюрприз! А у меня следы пьянки на столе и чужая баба в постели! Что же делать?!! Сказать, что бедной девушке и ее спутнику некуда было пойти, и я по доброте душевной их приютил, но спали мы «валетом»? Так не поверит, естественно! Жена моя отнюдь не дура! Так, а если она не дура, то почему ключи забыла? Да и время для возвращения с дачи уж чересчур раннее! Они там, на свежем воздухе, раньше десяти утра вообще не встают. А сейчас начало одиннадцатого... Значит, не жена. По крайней мере, не моя жена.

Так кого же принесло в такую рань? Если это сантехник,

решивший, зараза, подработать в выходной день, то сейчас он у меня с лестницы полетит!

Настроив себя таким образом, я в прямом смысле слова «на цыпочках» подкрался к входной двери и прильнул к «глазку». Стоящий на площадке человек был мне хорошо знаком и, к счастью для себя, сантехником не являлся. Наоборот, этому гостю я был рад всегда. Без дальнейших проволочек распахнув дверь, я шутливо-хмуро спросил:

– Ну и за каким хреном ты приперся в такую рань?

– Однако! – беззастенчиво вдвигая меня внутрь квартиры и протягивая ладонь для рукопожатия (не через порог!), ответил Димка Политов. – Вот так ты сейчас гостей встречаешь? Э-э-э! Да вы никак с бодуна, ваше благородие? И когда только успел? Еще в два часа ночи я наблюдал и наслаждался, как ты вполне осмысленно бодался на форуме с альтернативщиками. А с утра наш боец предстает передо мной с помятой мордой, дыша хорошо выдержанным перегаром! Или ты на форум уже «тепленький» флудил?

– Здорово, братишка! – Отбросив маску негостеприимного хозяина, я крепко обнял Димку и повлек его на кухню. – Тут такие дела творятся, сейчас расскажу – не поверишь!

Димка Политов был моим старым другом, хотя и младше на десять лет. Познакомились мы с ним на берегу Днестра, горячим летом 1992 года. Он был комвзвода в минометной батарее, которой командовал я. С тех пор мы с ним успели побывать еще на двух войнах, пока, наконец, не остепе-

нились. Сейчас Димка был средней руки бизнесменом, владельцем собственной, хоть и небольшой фирмы, торгующей компьютерами и оргтехникой. Причем коммерческая жилка в нем прорезалась еще в Бендерах, где он умудрялся виртуозно выменивать у местных жителей на самогон черешню, собранную в садах тех же местных жителей!

– Ты извини, что я в такую рань к тебе вломился, – запоздало начал оправдываться Димка. – Я тут снова свой «субарик» на сервис пригнал, а время по записи только на девять утра. Ну я и решил опосля к тебе заскочить, благо по ночному бдению в Инете понял, что супруга твоя на даче.

– Что, опять инжектор барахлит? – привычно спросил я, принимая из рук Димы объемистый пакет с лейблом супермаркета.

Эта деталь Димкиной машины показывала свой норов уже второй месяц, и друг почти еженедельно мотался на фирменный сервис, находящийся (вот совпадение!) в трехстах метрах от моего дома. Не покривлю душой, если скажу, что барахлящий инжектор «Субару» несказанно меня радовал, так как визиты друга, до того посещавшего меня хорошо если раз в месяц, участились. А так как посещения эти всегда сопровождались распитием легкоалкогольных напитков и беседами о любимой нами обоими истории, то... Жаль, что моей жене постоянные, как она говорила, «пьянки» быстро надоели. Так что теперь Диме приходилось вести почти конспиративную подготовку для очередного похода в гости. Ему

было проще – он был не женат!

– Да! – ответил Политов. – Замучился совсем! Если они, самки собаки, и в этот раз машину не сделают, потребую замены! А то эти черти думают, что если машина на гарантии и ремонт халявный, то мне в кайф постоянно к ним мотаться!

Ритуально покивав в ответ (эту угрозу Дима озвучивал в пятый раз), я принялся вынимать из принесенного гостем пакета бутылки пива, пакеты с чипсами, орешками и сушеными кальмарами. Для завтрака, конечно, продукты мало-подходящие, но ведь жить вообще вредно!

Залпом осушив по полбутылки и зажевав пиво несколькими «веревочками» кальмаров, мы с Политовым взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Курево-то у тебя есть? – запоздало вспомнил я.

– А как же! – не разочаровал меня друг, кладя на стол свои пижонские сигареты.

– Эх! – Досадливо поморщившись, я оторвал от «Парламента» фильтр и с наслаждением закурил. – Так вот! – продолжил я после третьей затяжки начатый в коридоре разговор. – У меня сейчас гости, и гости необычные!

Пересказ вчерашних (или, вернее, сегодняшних) приключений занял минут пятнадцать. За это время мы допили первые бутылки и выкурили по сигарете. Рассказ несколько удивил друга, и Димка даже сходил в комнату, чтобы проверить наличие пришельцев. Те, кстати, утомленные ночной борьбой с «зеленым змием», продолжали мирно спать.

– А ты уверен, что они те, за кого себя выдают? – Димкин вопрос был, в принципе, справедлив.

Я на минуту задумался, выстраивая в уме доказательства. То, что я заметил вчера: одежда, язык, манеры – сегодня казалось несущественным. Какой бы довод привести поувесистее? Мой взгляд упал на сломанный чемоданчик. Эврика! Наверняка он полон хитроумных девайсов из будущего, а не набит нижним бельем Леонида!

Я решительно, хотя и аккуратно поднял отломанную крышку. Лежавшее внутри устройство напоминало ноутбук. Но с первого взгляда было видно, что у него напрочь отсутствовала верхняя панель. А иных приспособлений, напоминающих привычный монитор, на приборе не наблюдалось. Клавиатура с первого взгляда напоминала нашу, даже буквы на клавишах были нарисованы кириллицей и латиницей. Но вот вместо верхнего ряда кнопок «F» располагалось три десятка «лишних» кнопок, маркированных греческими буквами.

– Ну-ка! Дай-ка мне посмотреть. – Дима протянул руку.

Я осторожно вручил другу неизвестный предмет. Компьютеры и все, что было с ними связано, были для Димы бизнесом, и разбирался он в этом «железе» очень хорошо.

Дима, отодвинув бутылки и пакеты, положил прибор перед собой и тут же смело стал нажимать разные кнопки. И, о чудо, компьютер, а это был именно компьютер, заработал! Над клавиатурой развернулся голоэкран, очень приличных

размеров, как бы даже не 21 дюйм. По этому «экрану» побежали строчки символов. Дима застучал по клавишам со скоростью опытной машинистки. На «экране» развернулось «окно», напомнившее «виндоусовское». Ага! Судя по эмблеме, это и есть «Windows». Билл Гейтс форева!

– Ну что тут? – Я придвинулся поближе, чтобы лучше видеть.

– Тут что-то, напоминающее поисковую систему, – ответил Дима, слегка отодвигаясь, чтобы дать мне место у голографического «монитора».

– Ничего, сейчас разберемся, – оптимистически сказал я. «Укажите интересующую вас страну». Россия, разумеется. Ввод.

«Введите необходимую личность». Ну пожалуйста: Николай II. Ввод.

«Введите интересующий вас год». Охотно: 1884-й. В этом году будущий «хозяин Земли Русской» познакомился с Аликс. На свою голову. Ввод.

«Введите интересующую вас дату». Да пожалуйста: пусть будет сегодняшняя, 8 июня. Ввод.

«Зафиксируйте свой взгляд на визире». А это еще зачем? На голограмме появляется «клубок», переливающийся всеми цветами радуги. А что это вдруг темно стало? Что происходит-то?! «Ваш код возвращения – 31E412»...

– ...Ваше Высочество! Ваше Высочество! – Голос бьет в уши из абсолютной тьмы. – Что с вами, откройте!

Голова – точно не моя... Перед глазами плывут разноцветные круги и полосы. Где я? Что со мной?

– Николя! Николя, открой дверь! – Утробный, рычащий бас. Дал же бог человеку голос! Если этот рев повторится, я оглохну. Какого лешего этот долбанный Николя не открывает? Люди же волнуются... Грохот усилился.

– Николай! Николай, откройте, я вам приказываю!

Вот надрывается человек! А Коленька этот точно в армии не служил. Когда приказывают ТАКИМ тоном – наверняка имеют право. Однако что ж это он не открывает?

Яркий свет бьет по глазам. С противным треском где-то сломалось что-то деревянное, и я чувствую, как меня хватают за руки, тормозят, треплют... А-фхр, фу-х! Какая скотина догадалась совать мне в нос нашатырь?

– Ядрить твою мать! Вы чего?

– Слава богу, Ваше Величество: он очнулся...

Голосок мерзкий, какой-то подхалимный... Меня разворачивают... Мать моя женщина! Если это не Александр III, то на конкурсе двойников ему обеспечено первое место. Где, интересно знать, сей славный муж добыл такой мундир? Да быть такого не может!... Это ж я, значит...

Я лихорадочно ощупываю и оглядываю себя. Я – это не я! НЕ Я! Вместо сорокалетнего мужика далеко не первой молодости и стройности я ощущаю тело парня, пацана лет шестнадцати, не больше. Вот блин! Это что же? Чертов ноутбук пришельцев сформировал виртуальную реальность? Пред-

ставляю, как ухихикивается сейчас Димка, наблюдая сцену со стороны! Неожиданно тело делает движение рукой, совершенно независимо от моего желания! Мало того, оно (тело) начало вставать с кровати, неловко путаясь ногами в длинной ночной рубашке. Эй, а почему потеря управления? Сбой программы, что ли? Сделав над собой (не собой!) могучее усилие, восстанавливаю контроль. Так, стоп! А кто я вообще такой и что здесь делаю? Это еще что за новая напасть? Ведь только что знал! Секундочку: меня зовут Олег... «Николай», – шепчет кто-то внутри меня. ОЛЕГ! «Николай», – тихо шепчет внутри. Ладно, хрен с ним, с именем, попробуем встать...

– Обойдется Сережка без нас! – грохочет все тот же бас. – Ему и невесты хватит! А мы с цесаревичем останемся!

Стоп! «Сережка», надо полагать, великий князь Сергей Александрович. Тот самый, «невинно убиенный» ворюга и пидор. А его невеста – Елизавета Гессенская! Та самая, которая привезла с собой в Россию из Англии свою младшую сестру, Алису. Э нет: такое пропускать нельзя. Раз уж с этим компом попал в такую классную игру, грех не воспользоваться. Ну я сейчас так сценарий переделаю, замучаетесь потом последствия высчитывать! И Димона развлеку! Часика два у меня точно есть, пока еще мои гости проспятся.

– Со мной все в порядке, Ваше Величество, – мой голос звучит непривычно. – Просто мне на мгновение стало дурно. Но сейчас уже все в порядке. Разве можно оставить топ

uncle Serge без вашего присутствия?

Вот же ёшкин кот! А французский – это я откуда знаю? Ну, английский (точнее, американский) я, положим, знаю недурно, хотя боже меня упаси заговорить на этом подозрительном наречии здесь. Вот бы профессор Хиггинс офонарел, если б услышал bananas или fuck off. Немецкий я знаю в объеме «Восточного фронта», то есть «хэнде хох!», «ком цу мир» и еще несколько столь же емких слов и выражений. Но французского я не знаю совсем! Абсолютно! Я же его никогда не учил! Я ж совсем другое учил, например: период полураспада урана составляет... интересно, а сколько он составляет? Зато вот уж что помню, так это точно: «Неполная разборка автомата «АКМ». Нажать защелку, отсоединить магазин, отвести затвор назад...» Слава Всевышнему, хоть это-то я помню!

Но тем не менее я продолжаю на французском:

– Я вас очень прошу, *rara*, позвольте и мне с вами присутствовать...

Огромный, точно снежный человек, Александр труа склоняется ко мне:

– Хорошо, хорошо. – Огромная лапища гладит меня по голове. – Пойдем вместе. Черняев! ЧЕРНЯ-Я-ЕВ! – голосит он куда-то в пространство. – Передай Сережке, что мы будем...

...Гремит оркестр, и я вхожу в зал следом за императором. Он ведет под руку миниатюрную, только что не карлицу,

женщину. Маменька. Мария Федоровна. Дагмара. Эта лилипутка держит под каблуком своего непутевого алкаша-мужа и страшно ненавидит Пруссию. Ох, маменька, как бы мне в Сибирь вас сослать не пришлось...

Однако действовать нужно *cum grano salis*. (Я понимаю, что это означает «с известной осторожностью», и даже знаю, что это латынь. Знать бы еще, откуда я все это знаю!) Поэтому пока будем соблюдать осторожность. Во всем. Кроме...

За столом я сижу рядом с двенадцатилетней девчушкой. Забавно все-таки женщины смотрятся в платьях конца XIX века. Очень забавно. Особенно такие малявки. Жаль, что придется ее огорчать, но я-то знаю, что из нее вырастет...

– Ах, Ваше Высочество, – щебечет она по-английски. – Когда мы уезжали, бабушка Виктори говорила, что Россия – дикая страна. А ваш Петербург – очаровательный город.

– Ваша бабушка порола чушь, мадемуазель. Питер – самый красивый город на земле после Москвы.

– А вы уже видели Лондон? – спрашивает меня Алиса. – Ах, это чудесный город!

– Не знаю, мадемуазель. Я там не был. Но, полагаю, он понравится мне, когда я его посетю. Тогда он будет еще красивее.

– О да! Лондонцы наверняка украсят город к вашему приезду...

– Не думаю. Разве что белыми флагами. Все остальное сделают мои солдаты и казаки. А самым лучшим украшени-

ем Лондона, я полагаю, будет старая шлюха Виктория, повешенная на самой высокой башне Тауэра!

Несколько секунд Алиса смотрит на меня, выпучив глаза, а потом над столом повисает дикий, истошный визг. «Гессенская муха» начинает валиться со стула, смертельно побледнев и закатив глаза.

– Николя! – Дагмара смотрит на меня с укоризной. – Что вы сказали бедной девочке?

– Ничего, тамап. Просто мне кажется, что лучшим украшением Лондона была бы старая блядь Виктория, повешенная нашими атаманцами на башне Тауэра. Можно было бы отдать ее им на потеху, но вряд ли они согласятся развлекаться со старой перечницей...

За столом повисает тишина. На меня вылупились все, кто тут есть. Наконец император Александр медленно встает и неспешно идет ко мне. Вот же уродила мать-природа эдакого медведя... Мне становится не по себе: я помню эти порванные колоды карт и смятую в кулаке бронзовую чернильницу. Слава Единому, что все это происходит в виртуале! Но если сейчас начнется спарринг... А вот интересно: топ рара занимался чем-нибудь серьезным, в плане боевой подготовки? Наверное, нет, в то время еще не было боевых искусств, кроме фехтования и бокса. Значит, так если полезет – попробую показать ему пару приемов из армейского комплекса. Убить не убью, а пронять должно...

Император встает рядом.

– Правильно! – гремит набатным колоколом его трубный глас. – Пущай англичанишки свое место помнят! Так их, Колька, – чудовищная длань опускается мне на плечи. – Так их, альбионцев распроклятых!

Я вижу лицо Дагмары. На нем написано отчаянье. Э, ваше благородие, *рара*, да ты, я гляжу, нарезался...

Глава 2. Рассказывает Олег Таругин

Вот уже третий месяц, как я – цесаревич. Как-то так получилось, что по истечении двух часов я в свое тело не вернулся. Не вернулся и через три часа, и через три дня, и через три недели. То ли время в виртуале субъективно, то ли я в натуре очутился в прошлом. Если в прошлом, то почему-то «гости из будущего» не торопятся меня возвращать. Ну и ладно! Мне и здесь неплохо! Покуролесю, сколько смогу, а потом... А потом хоть трава не расти!

Кстати! Если мое предположение верно и я действительно в прошлом, в теле будущего императора Николая Второго, то понятно, отчего у ребят из будущего такая дохлая подготовка! А на хрена им подготовка, когда они с помощью этого хитроумного агрегата могут заселиться в любое тело? Вот жуки, а втирали! Хотя... одежда на них была по моде начала XX века, прически... Блин, неувязочка! Ладно, с этим потом...

Помнится, в ранней юности на утверждение: «Человек может добиться всего, чего захочет!» – я отвечал: «Хочу быть шведским наследным принцем!» Смешно... В жизни бы не подумал, что у наследного принца такая тяжелая жизнь. Его, то есть мой, распорядок дня уплотнен до невозможности. Вообще-то я читал, что в то время русский «свет» жил по странному графику, но насколько он странный, я себе

и представить не мог!

Мое утро начинается в 7.30 по пулковскому времени. Теоретически. Практически я с огромным трудом выпутываюсь из объятий Морфея где-то в 8.00–8.15. Но не позже. Потому как ровно без десяти восемь начинается мой утренний туалет. Ни одной, самой продвинутой моднице конца XX – начала XXI века такой набор утренних процедур даже и не снился. Боже милосердный, это ж какой-то допрос с пристрастием. Протирки из чабреца, кёльнская вода, вежеталь, маникюр, распаривание кожи и прочая, прочая, прочая...

После этой камеры пыток меня ждет «легкий завтрак – закуска». Это – яичница с ветчиной, блюдо с балыком или с копченой дичиной, немного (не более полуфунта) зернистой икры, только что сорванная земляника со сливками, чай или кофе с теми же сливками, варенье, свежий горячий хлеб. И попробуй хоть что-то не съесть! Матушка-императрица (чтоб ей дом Ипатьева повидать!) тут же набросится с целой сворой лейб-медиков, и начнется: «Ваше Императорское Высочество, извольте лечь. Ваше Императорское Высочество, покажите язык». А сами, между прочим, руки перед осмотром не моют. Я не медик, но в болезнях разбираюсь получше ихнего. Прилипалы, имбецилы! Взойду на престол – в Сибирь, в труху лагерную, на ноль помножу!

Через неделю такого усиленного питания пришлось срочно найти способ борьбы с ожирением. Теперь мое высочество завтракает и ужинает в теплой компании троих офице-

ров-стрелков и четверых казаков-атаманцев. Общими усилиями удастся кое-как расправиться с этим пищевым изобилием. Стрелки императорского батальона и молодцы атаманского полка не разглашают тайны наших «утрень и вечерь» и могут пригодиться еще для чего-нибудь. Из этой компании мне удалось выделить нескольких офицеров, которые постепенно превращаются в эдакий «внутренний круг». Мне еще понадобятся преданные люди.

После завтрака – свидание с преподавателями. Эта амеба, эта медуза Николай умудрился отказаться от общего воспитания в каком-нибудь приятном местечке типа «павлондии» или юнкерского училища имени его. И в результате – до свидания такая замечательная вещь, как летние каникулы! Дебил!

Так что до императорского завтрака, на котором я обязан присутствовать, я успеваю ознакомиться с «последними» достижениями физики или математики, чтоб им пропасть!

В 11.00 по Пулкову – завтрак, а после него – малый выход императора. Вся тягомотина тянется до двух часов пополудни. Потом Их Императорское Величество, влив в себя добрых полкило водочки, отправляется вершить государственные дела. Иногда мне приходится его сопровождать, и тогда я в полной мере наслаждаюсь зрелищем двух пьяных морд: Александр и его адъютант, Черняев, в полном молчании употребляют водку и коньяк попеременно, причем без закуски. Когда мне наконец надоест терпеть этого алкаша на

троне, Черняев отправится в отставку с пенсией в виде сорокаведерной бочки коньяка ежемесячно. По-моему, больше ему ничего не надо.

Если же я не сопровождаю их пьянейшее величество, то по расписанию снова занятия. Учеба, фехтование, манеж или выездка на природе – все это часов до пяти. Общение с генералом Даниловичем¹ наводит на мысли о суициде. Сей великий полководец искренне полагает, вслед за Драгомировым², штык – молодцом, а пулю – лишь несколько менее душой. Я сделал одну попытку объяснить этому дуболому принцип рассыпного строя, но понял, что легче было бы растолковать этому бравому дурачку теорию Эйнштейна (если бы кто-то сперва растолковал ее мне), чем отвратить его от идеи колонн и сомкнутого штыкового удара. Ой, божечки, это скольких же мне сажать да стрелять-то придется?!

Далее – обед. Терпеть ненавижу французскую кухню, от которой здесь все без ума. Правда, тут мои вкусы совпадают с императорскими: их величество тоже предпочитает русские блюда. Не далее как вчера мы с ним буквально облопались окрошкой и студнем. Ему-то хорошо: под водку все лезет, а мне каково? Ну не могу я есть эту «францию»! То-

¹ Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906) – генерал от инфантерии, военный педагог, был воспитателем Николая II и великого князя Георгия Александровича.

² Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, видный теоретик военного искусства.

го мерзавца, который удумал разварить луковицу до лохмотьев, потом бросить в это нечто пару гренок и назвать все это «супом», я после победы русского оружия лично отыщу и сварю живьем! Вместе с луковицей!

Потом куда-нибудь едем. Например, в театр. Я чуть было не выдал себя, пожелав услышать своего любимого «Князя Игоря». Поздно вспомнил, что опера еще не написана. Хорошо еще, что никто не обратил внимания. Посчитали обычной оговоркой и предложили прослушать оперу «Богатыри». Похоже на «Прекрасную Елену» Оффенбаха, но занятнее. Понравилось.

В полночь – ужин с Императором, затем – какое-нибудь «развлечение»: бал, прием или что-то в этом же духе. «Николя – юн, и в его возрасте хочется развлекаться!» – заявляет папенька-венценосец, и маменька с ним согласна. Жаль, меня забыли спросить! Хорошо хоть, что мое тело само знает эти танцевальные па, потому как сам я к этому времени пребываю в полубредовом состоянии. И, наконец, поздний ужин: ветчина, фрукты, отварное мясо или рыба, легкое вино. На помощь снова приходят бравые стрелки и молодцы-атаманцы. Короче говоря, в полчетвертого – в четыре я забываюсь на несколько часов сном без снов, напоминающим обморок. А с утра все вертится по новой.

Правда, за эти три месяца я кое-что все же успел сделать. Во-первых, отыскал Дмитрия Ивановича Менделеева, спел ему дифирамбы, попил с ним чаю (Д.И. премилый чудак!) и

уговорил его заняться не только порохами, но и взрывчатыми веществами. Предложил попробовать нитровать толуол. Менделеев согласился, причем пообещал разработать еще и промышленную технологию получения. Это «ура!».

Во-вторых, пообщался с капитаном первого ранга Макаровым. С этим человеком мы еще будем ра ботать.

В-третьих, нашел общий язык с жутко толковым Куропаткиным³. Начальник Генерального штаба у меня, можно считать, уже есть. Вот только командовать армией вы у нас, дорогой Алексей Николаевич, не будете. Штабист и полководец – большая разница.

Но самое главное мое приобретение – личный адъютант. Их пьянейшее величество, пребывая в состоянии полной невменяемости, подмахнул высочайший рескрипт, и теперь у меня замечательный адъютант – штаб-ротмистр лейб-гвардии драгунского полка Павел Ренненкампф⁴. Думаю, немно-

³ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии, военный министр (1898–1904), в РЯВ главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (1905). После поражения при Мукдене Куропаткин был отставлен от должности главнокомандующего. После Октябрьской революции преподавал в основанной им сельской школе и заведовал Наговской волостной библиотекой в с. Шешурино Тверской области.

⁴ Ренненкампф Павел-Георг Карлович фон, барон (1854–1918) – военачальник, генерал от кавалерии (1910). С 1899 г. был начальником штаба войск Забайкальской области. Участник Китайской кампании 1900 г., за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С июля 1901 г. – начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады. Во время Русско-японской войны Ренненкампф – командующий Забайкальской казачьей дивизией. В Мукденском сражении, воз-

гие в XX веке знали, что этот парень – гений от кавалерии, такой же, как Буденный. Исключительно преданный и болезненно самолюбивый, Паша будет нужным и очень полезным человеком.

А, вот и он, легок на помине. Чего тебе, родной?

– Ваше Императорское Высочество. Их Величества ожидают вас в малой зале! – браво докладывает Ренненкампф. И, чуть понизив голос, рекомендует доверительно: – Съешьте варенья, а то государыня опять бранить вас за табак будет.

– Спасибо, Павел Карлович, – я одергиваю мундир, – сейчас иду...

Ох ты ж, Господи, опять начинается. Прием...

главляя Цинхеченский отряд, проявил большое упорство и стойкость. С июня 1905 г. состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке. За боевые отличия в 1906 г. награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами. Во время революции 1905 г. командовал карательным отрядом в Восточной Сибири. В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. командовал 1-й армией. После октября 1917-го арестован. Расстрелян в Таганроге по приговору ревтрибунала.

Глава 3. Рассказывает Олег Таругин

Прошло полгода. Как ни странно, я до сих пор жив и даже в здравом рассудке. Мне удалось кое-как изменить мой распорядок дня, и теперь я хотя бы высыпаюсь. Ну, почти высыпаюсь... Дело в том, что у меня появилась, как бы это выразиться помягче, пассия. Олечка Шаховская. Красивая и раскованная девица, на пару лет постарше цесаревича. Я увидел ее во время катания в Петергофе. Мы мило побеседовали, причем Оленька продемонстрировала такие свободные взгляды и такой лихой настрой... Три дня мы встречались с ней ежедневно, а потом, в беседке... Честное слово, я не ханжа, но эта чертовка фактически изнасиловала меня. И с тех пор мои ночи можно смело именовать «египетскими».

Самое удивительное, что венценосные рара и тама считают все происходящее совершенно нормальным и правильным. Ну, еще бы: вон милый кузен Сергей Михайлович веселые вечеринки с голыми девками и такими же офицерами своего полка устраивает, только ух! Так что я с Оленькой кажусь почти что монахом. Вот только не высыпаюсь. Увы, в этой проблеме атаманцы и стрелки – не помощники. Вот так и живу...

Зато мне действительно удалось сделать кое-что полезное. Несколько юнкеров из Павлондии и Николаевского получили досрочное производство и образовали костяк моей буду-

щей «гвардии». Командиром над ними поставлен князь Васильчиков⁵, штаб-ротмистр лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Черная форма конных grenадер напомнила мне незабвенные «Семнадцать мгновений весны» и артиста Тихонова. Жаль, не доживу до этого фильма. Да и не будет его здесь.

Когда Васильчиков попал в мое поле зрения, первое, что бросилось в глаза: очень уж мужик честолюбив. И смышлен. Карьерист. Конечно, задницу лизать, как в XX веке водится, он не станет, закваска не та. Но если надо будет в ход локти пустить – горло любому перегрызет, по трупам пройдет – не вздрогнет, своего добьется. Нужны мне такие. А второе, что показалось интересным: князь очень легко воспринял новые взгляды, которые я ему изложил...

– Сейчас противники власти, все эти бомбисты-террористы, затаились. Они нашли убежище за рубежом, во враждебных странах. Но там они сидят как черная зараза, готовая в любой момент выплеснуться на нашу Родину. Мне будет нужна помощь в борьбе с ними.

– Конечно, Ваше Высочество, я готов, как и все, бороться с ними. Когда потребуется – мы встанем на вашу защиту.

⁵ **Васильчиков Сергей Илларионович**, (1849–1926) – князь, военачальник, генерал от кавалерии (1910). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. В 1890–1896 гг. командир лейб-гв. гусарского полка. В 1902–1906 гг. командир гвардейского корпуса. Крупнейший землевладелец (ок. 27 тыс. десятин). Умер в эмиграции.

– Да нет, князь, меня это не устраивает. Я не собираюсь ждать, пока эти твари в человеческом облике явятся ко мне и начнут свою подрывную деятельность. Не вспомню сейчас, кто из древних сказал: болезнь легче предупредить, чем лечить.

– Не понимаю, Ваше Высочество...

– Сейчас поймете. Готовы ли вы, князь, исполнить мой приказ сейчас же, незамедлительно?

– Ваше высочество... Если приказ будет подтвержден Императором... – В глазах Васильчикова вдруг вспыхнула нешуточная надежда. Это – глаза игрока, который почувствовал, что карта пошла. – Приказывайте, Ваше Высочество!

Мне нравится, как смотрит этот офицер. Черт возьми, смешно: Васильчикову – тридцать пять, и он старше цесаревича на девятнадцать лет. Уже успел повоевать, награжден орденами. Однако сейчас глядит на меня, как на нового месию. Правда, лично я уже прожил на свете сорок два годика, тоже воевал, только войны эти были несколько иного рода... Крови и грязи в них было гораздо больше.

– Хорошо, князь. В Лондоне проживает некто Плеханов, смутьян и марксист. Он ведет целенаправленную работу против существующего строя в России и против ее Императора. Мне нужна голова этого человека. Я приказываю вам немедленно отправиться в Лондон и ликвидировать этого человека.

– Ликвидировать?

– Уничтожить. В физическом смысле. Убить.

Он смотрит на меня удивленно, но... Удивление в его глазах быстро сменяется пониманием:

– Ваше Высочество, сколько у меня времени на подготовку?

Ого! Про таких пишут: «значительно опередил свое время».

– Браво, князь! К сожалению, к моему глубочайшему сожалению, пока, – я делаю нажим на слове «пока», – пока я не могу отдать вам такой приказ. Пока... Ведь вы же понимаете, что посылать в чужую страну с таким заданием верного и надежного человека, – ого, дружок, как ты расправил плечи, когда я назвал тебя «верным и надежным», – это просто подлость. Ни один настоящий командир не пошлет своего подчиненного на верную и бессмысленную смерть. Но вот другой приказ я вам дам, князь. Через два дня я жду от вас докладную записку: количество сил и средств для тайной ликвидации господ Плеханова, Дейча, Аксельрода и госпожи Засулич.

– Слушаюсь, Ваше Высочество...

– Подождите, это еще не все. Думаю, для работы вам будет полезно ознакомиться с деятельностью покойного г-на Судейкина, а также с планами и работой в бозе почившей «Священной дружины».

– Слушаюсь, Ваше Высочество... – снова кивает Василь-

чиков. Понятливый...

– Надеюсь, вы помните, что восемь лет назад в Санкт-Петербурге были студенческие волнения, – продолжаю я. – И, вероятно, вы знаете, князь, чем это закончилось. Сто сорок человек, вдумайтесь, князь, сто сорок будущих врачей, хирургов, оказались за решеткой. А ведь у нас не так много врачей. Как вы считаете, что можно было изменить в действиях полиции?

Молчит, не понимает. Но пытается думать. Ладно, придется объяснить:

– Как вы считаете, дорогой князь, если бы при попытке подачи петиции господам студентам набили морду пьяненькие мастеровые, это повлияло бы на настроение господ студентов?

– Думаю... конечно, повлияло бы. Могли бы и плюнуть на свою петицию.

– Очень хорошо. А теперь представьте себе, если этих мастеровых поймают и даже слегка погладят плетью. А потом умный и преданный человек расплатится с такими «мастеровыми»?

В его глазах светится понимание. Похоже, идея ему нравится. Надо дожимать.

– Возможно, вы слышали, князь, о некоем Степняке-Кравчинском? Слышали? Замечательно. Так вот, в одной из своих книг сей господин пишет следующее: «Полиция не считается ни с чем – ни с численностью людей, подвергаю-

щихся репрессиям, ни с личностью человека». Как вы думаете, князь, правильно ли такое поведение полиции?

Подумав, он отрицательно качает головой:

– Возможно, я не прав, Ваше Высочество, но полагаю, что это неверно. Я уже и сам замечал, что простые люди полиции побаиваются. Или даже не побаиваются, а не любят.

– Верно. А правильно ли то, что полиция, которая обязана защищать обывателя от вора и всяческой шантрапы, занимается ловлей политических преступников?

Васильчиков снова задумывается и снова дает отрицательный ответ.

– Правильно, князь. Но ведь должен же кто-то бороться с такими вот Каракозовыми, Засуличами и прочими Долгушиными? Должен. И поэтому я хочу предложить вам, князь, возглавить новую организацию под названием Комитет государственной безопасности. Сокращенно КГБ. Пока мы будем с вами готовить людей для такой службы, вы, князь, будете еще привыкать к тому, что отчитываться глава этого комитета будет только перед Императором или перед цесаревичем. Вы будете привыкать к тому, что полем вашей деятельности будет считаться весь земной шар, что вам придется решать весьма сложные задачи, в которые будут входить, например, показательные акции устрашения, когда вы, князь, пошлете убийц с задачей перерезать всех, кого они найдут в указанном доме, селе, хуторе, усадьбе...

– Ваше Высочество, позвольте вопрос. Я не отказываюсь,

но... Для чего может служить такая акция устрашения?

— Для самых разных целей. Ну, например: КГБ узнает о том, что некто — опасный террорист, фанатичный социалист или анархист. Группа бойцов КГБ нанесет визит его семье, вырежет всех, от мала до велика, и оставит на стене лозунги типа «Да здравствует анархия!» или «Так будет с каждым предателем святого дела!». Как вы полагаете, долго он останется преданным революционером? Или другой пример: издатель «Таймс» опубликовал возмутительную статью относительно порядков в наших тюрьмах для террористов. Так вот: такой человек, неважно, чиновник он, министр, издатель, депутат, русский или иностранный, будет признан врагом отечества. Вы же знаете, что зачастую мы и со своими разобраться не можем, что уж об иностранных толковать? А тут вы посылаете своих специалистов, чтобы сначала уничтожить их всех до седьмого колена, а потом уже другие специалисты, также из вашего ведомства, возьмутся за то, что можно назвать «пропаганда шепотом». Неофициально запускается слух о том, что этот человек наказан за свою антирусскую деятельность. Пусть все знают, что наказание придет неизбежно. Пусть нас боятся.

И далее в том же духе. Мы расстались с Васильчиковым глубоко за полночь. Он ушел от меня одухотворенный новыми перспективами, подтвержденными свеженьким указом Его Императорского Величества, гласящим, что отныне

штаб-ротмистр Васильчиков – ротмистр⁶. Это результат моего нового изобретения. Водка с кокаином, который продается у нас в любой аптеке. Я угостил своего венценосного родителя «заряженным» алкоголем и был просто наповал сражен последствиями угощения. Император впал в прострацию, в продолжение которой он был просто безвольной марионеткой. Тогда-то я и подмахнул несколько нужных мне бумаг. В том числе и приказ на Васильчикова. Приятно, когда такой мелочью можно доставить человеку радость. Тем более, я-то знаю, что обманул доверчивого князя. Он, в простоте душевной, полагает, что его КГБ будет единственной организацией такого рода. Фигушки! Будет еще и Главное политическое управление. А куда без ГПУ?

Интерлюдия

Яркий свет несколько резал глаза и оставлял ощущение некоего дискомфорта. Какой-то тревоги, опасности...

– Итак, мы здесь собрались, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Думаю, никому не надо объяснять, что произошло, но вкратце напомним: в результате преступной халатности доктора Фалина и ма гистра Крупиной один из переносных мнемотрансляторов типа ПМВ-13 бис оказался в руках неподготовленного аборигена из кластера 2004. Он умудрился его включить и воспользоваться! Затем прибор таинствен-

⁶ Звание лейб-гвардии ротмистра приравнялось к армейскому подполковнику.

ным образом исчез. По данному факту проводится служебное расследование. Дальше ситуация стала развиваться по схеме «незапланированное вмешательство со сквозными последствиями».

– Он что, на самом деле узурпировал Николая II? – Голос выражал неподдельное изумление.

– К сожалению. И умудрился то ли случайно, то ли целенаправленно попасть в один из бифуркационных узлов второго рода («О как!» – кашлянул кто-то). Теперь уже необходимо исправлять сделанное: реципиент, под воздействием иновременного донора, произвел действия, исключаящие или, как минимум, значительно затрудняющие его будущую женитьбу на Алисе Гессенской. Естественно, напрашивается вопрос: это обдуманное действие или случайное, и если верно первое предположение, то какие дальнейшие действия иновременного донора последуют в дальнейшем?

– Возможно, он примет напрашивающийся союз с Германской империей, что в дальнейшем приведет к самым серьезным последствиям в Старом и Новом Свете...

– Сейчас это не важно. Я предлагаю решить вопрос с пребыванием ИД в теле реципиента. Какие будут предложения?

Какое-то время было тихо. Слышалось лишь негромкое перешептывание. Наконец раздалось неуверенное:

– Может, с ним просто поговорить? По-хорошему, а? Рас толковать ему, что будет из-за его деятельности. Ну не сумасшедший же он, в конце концов, должен испугаться раз-

рушения собственного тела и невозможности вернуться обратно.

– Действительно! – Новый голос был намного увереннее. – Почему, собственно, мы так боимся, что он нас не поймет? Судя по всему, человек он разумный, хотя и несколько излишне энергичный, должен же понять, что ценой его мелко-го тщеславия будут тысячи жизней. Да и вообще, может, он уже давно домой хочет, а кода возврата не знает...

Слабые возражения потонули в одобрителном гуле.

– Итак, предварительно принимается решение попытаться убедить ИД оставить реципиента и, в случае необходимости, оказать ИД помощь в возвращении в исходный кластер...

Глава 4. Рассказывает Олег Таругин

Мягко горит ночник. Сегодня мне совершенно не спится. Все-таки последняя рюмка «Кюрасао» была явно лишней. Между прочим, пора подумать о том, что со спиртным надо что-то делать: моему новому организму не так много лет, чтобы пить в количествах, подсказываемых памятью сорокалетнего мужика. А то я в последнее время чего-то перебирать стал. Вот и сейчас: в желудке копченый фазан яростно сцепился с кларетом урожая 1876 года и замечательным ликером «Кюрасао», причем кофе и полдюжину пирожных явно ведут партизанские действия. Блин, эдак ведь в Ригу съездить придется. Или Ихтиандра позвать...

– Не спится, Ваше Высочество?

Не понял – а это еще кто? Что за Белая Дама к нам в гости притащилась?

– Сударыня, прошу прощения, а вы кто?

Шуршание юбок, и дама средних лет присаживается на стул возле зеркала. Что-то в ней не так... Черт возьми, слишком уж по-хозяйски она себя ведет! Здесь так не принято... Э-э-э, уж не Засулич ли какая доморощенная выискалась?

Ах, дьявольщина, а оружия-то под рукой никакого нет! Вот ведь не подумал как-то, что товарищи террористы могут и во дворец прийти... Да нет, что это я распахивался? Эту физию я, кажется, видел в окружении милой матушки.

Или кого-то из великих князей... Мама моя дорогая, она часом не решила ли попробовать пообщаться с наследником престола, так сказать, в горизонтальном положении? А что, очень даже возможно, учитывая раскрепощенность нравов конца XIX века. Ну-ка, ну-ка...

Фигурка у ночной посетительницы ничего себе, мордашка – довольно смазливая. Если бы я еще не был так пьян – могло бы что-нибудь и срастись. Но сегодня я решительно не способен к активным действиям. К тому же из пьяного морока наружу лезет мое второе «я», которое активно начинает напоминать о себе попытками петь непристойные куплеты на французском, ругаться по-немецки или, обливаясь пьяными слезами, молиться перед образами. Ну, надо что-то решать...

– Простите, мадемуазель, если бы вы...

– Знаешь, Олег, в прошлый раз ты мне показался симпатичнее, хотя и сейчас ты вполне ничего.

Выражение «обухом по голове» очень точно передает мое нынешнее состояние. Это что ж, Светлана?

– Ну, Олег, не надо так дергаться. Ты, вероятно, случайно воспользовался нашим ПМВ и теперь сам не знаешь, как возвратиться обратно. Я здесь для того, чтобы тебе помочь...

Ха! Помощница!

– Светлана, а кто вам сказал, что я хочу домой? Мне здесь нравится, да и... Знаете, история России времен императоров Александра III и Николая II всегда представлялась мне

безумным набором диких случайностей, откровенного идиотизма и столь же откровенных подстав. Так вот, мне представилась возможность кое-что изменить в этом кошмаре, и с чего вы взяли, что я откажусь от этого шанса?

Сказать, что моя визави обескуражена моим ответом, значит ничего не сказать. Руки нервно комкают подол платья, на скулах выступил лихорадочный румянец, рот приоткрылся, точно ей не хватает воздуха. А вот интересно: если она сейчас завизжит, то как я буду объясняться со сбежавшими-ся слугами?

– Олег, ты сам не понимаешь, что говоришь! – наконец выдавливает она из себя. – Ведь нельзя же так вот, с бухты-барухты, вламываться в историю, как слон в посудную лавку. От твоего вмешательства могут пострадать люди...

– А от моего невмешательства люди уже пострадали! Без малого 70 миллионов погибших в войнах и революциях только в одной России! Ты, историк, скажи: сколько народу погубила хотя бы одна эта ублюдочная перестройка?! А так эти люди будут жить! Это что – семечки?

– Ну да, а тем, кто родился от браков, что в результате твоего вмешательства не осуществляются, – этим что делать? Они-то в чем провинились?

Вот за что люблю профессиональных историков да и вообще ученых, так за полное отсутствие моральных устоев и нравственных принципов. Значит, выходит, что добрая сотня миллионов должна умереть и добрых полмиллиарда ни-

когда не родиться, только бы ныне здравствующие миллионы сто были живы...

– Знаете, Светлана, а мне вот кажется, что браки, если они не по расчету, заключаются на небесах. Так что никакой беды не случится. И потом: мой дед погиб на фронте. У меня родилась неплохая идея – выручить его из неприятностей. Думается, что у меня это получится.

Она приподнимает голову. Теперь в ее глазах решимость.

– Тогда нам придется заставить тебя. Силой!

Ага! Видел я вашу силу. Хорошо запомнил. Или они могут вытащить меня против моей воли? От этой мысли меня прошибает холодный пот. Хотя... Не-е, неувязочка. Если бы могли, то сразу бы и вытащили, а не мотались бы сюда разговоры разговаривать.

– Интересно бы взглянуть, как это у вас получится? Телу, конечно, всего шестнадцать, но постоять за себя я смогу.

Господи, твоя воля! Что это у нее в руке? Пузырек и марля? Мать моя, императрица российская, эта дура меня усыплять решила? Ну так и есть...

Света кошкой кидается ко мне. Извините, сударыня. Короткий удар ногой отбрасывает путающуюся в кринолинах агрессоршу к стене. Отдыхайте, девица-красавица. Я вскакиваю с постели... Б...! Твою мать! Будь она проклята, эта идиотская привычка XIX столетия, спать в длинных и неудобных ночных рубахах! Запутавшись в подоле, я чуть не падаю на пол. Светлана уже на ногах и снова кидается ко мне. Н-

на! Как могу, червяком изворачиваюсь на полу и подбиваю ее ногами. Ляг, полежи. Вот ведь пантера самозваная: еще в партере со мной бороться затеяла! Эх, черт возьми! Весу во мне маловато! Ничего-ничего, когда-то ваш оппонент занимался борьбой и не успел все забыть. А ну-ка... Треск разрываемой материи, и тишину ночи пререзает истошный вопль.

– А-а-а! Пусти, пусти, больно, руку ломаешь! – верещит Светлана, не похожая сама на себя.

– Это тебе урок: не прыгать на наследника престола Российской империи, – удастся пропыхтеть ей в ответ. – Особенно с такой чахлой физподготовкой.

За дверями спальни топот ног. Что-то с грохотом опрокидывается, и тут же в мою опочивальню вламываются Васильчиков и Ренненкампф с револьверами в руках. Следом за ними галопирует часовой с винтовкой наперевес.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! У вас все в порядке? – галдят мои адъютанты наперебой, но, узрев то, что творится в моей комнате, застывают в подражание Лотовой супруге. Я перевожу дух и оглядываюсь...

Вид, открывшийся моим бравым защитникам, действительно впечатляет. На полу без юбки (разорвалась и улетела во время схватки), со сбившейся набок прической, покрасневшим лицом и заломленной за спину рукой лежит фрейлина императрицы. На ее спине (и чуть пониже), в разорванной до пупа ночной рубашке, восседает наследник престола российского, удерживая хитрым захватом означенную руку

означенной фрейлины.

Минута молчания длится недолго.

– Ваше Высочество, мы просим извинения, – выдавливает из себя Ренненкампф. – Нам показалось, что из вашей комнаты... э-э... из вашей комнаты...

Он сбивается и умолкает. Васильчиков судорожно сглатывает, нервно нашаривает рукав Ренненкампфа и, пятясь, тянет Павла Карловича за собой, одновременно ухитряясь выпихнуть часового... хм... ну, скажем, «задним фасадом»...

– Ну что, будешь еще брыкаться или мне и вправду руку тебе сломать?

– Сволочь, – шипит пленница. – Ну ничего, с тобой еще разберутся...

Что, интересно, пришлют взвод карателей? Таких же, сажариновых, которые делать ничего не умеют? Ой, я сейчас укакаюсь от страха...

Внезапно ее лицо как-то неуловимо изменяется. Глаза на мгновение мутнеют. Что это с ней – обморок? Привстав, я переворачиваю ее на спину. Господи, да что с ней такое? Помирать, что ли, собралась? Я встряхиваю ее за плечи. Похоже на обморок. Так-с, лучший способ от обморока – пощечина...

Дикий визг бьет по ушам точно близкий взрыв. Светлана начинает вырываться с такой нечеловеческой силой, что я поневоле вынужден ее отпустить. Ух! Рука с расставленными пальцами пролетает в опасной близости от моего но-

са. Ну, подруга, так не пойдет. Самый тяжелый хук, какой только может выдать не слишком высокий шестнадцатилетний отрок, заставляет ее голову мотнуться назад. Светлана медленно оседает на пол. Наконец-то сражение закончено. Теперь связать ей руки и ноги остатками ее юбки и моей рубашки, и можно покурить с чувством выполненного долга.

Ароматный дым убегает вверх правильными колечками. Интересно, а что мне с ней делать? Да по фиг – утро вечера мудренее. Ой, как хорошо-то...

– Что вы собираетесь делать со мной, Ваше Высочество?

Голосок дрожит, испугалась. И правильно... Кой черт правильно? Какое «Ваше Высочество»? Почему не «Олег»?

А вот почему. Наша «гостья из будущего» отчалила в свое «прекрасное далеко». Теперь передо мной несчастная женщина, которая, придя в себя, обнаружила, что лежит в разорванной одежде, а над ней склонился нагой цесаревич. Есть от чего завизжать. Надо срочно что-то придумать... Блин, вспомнить бы еще, как эту мадемуазель звать? Вроде бы Зинаида...

– Мадемуазель, скорее мне нужно задавать вам этот вопрос. Я уже засыпал, когда вы вошли в мою спальню и, не сказав худого слова, напали на меня, пытаясь усыпить. Не верите? Взгляните, что лежит у вас под рукой?

Она с удивлением взирает на склянку с хлороформом и поднимает на меня испуганные глаза.

– Но поверьте, Ваше Высочество, я совершенно не соби-

ралась нападать на вас. Я... я не знаю... как это все случилось. Я ничего не помню, – сообщает она и заливается слезами.

Ну вот, здравствуйте! Сперва – уговоры, потом – драка, и вот теперь – разбор полетов. Охо-хо-хо-нюшки, будем утешать...

Лихорадочно оглядываю комнату в поисках чего-нибудь, что могло бы ее успокоить. Святые угодники, да я ж все еще голый! Схватив халат, я мгновенно влетаю в него, молниеносно завязываю пояс... Ф-фух, теперь можно думать... О, вот сифон с содовой водой.

– Успокойтесь, Зинаида (как же тебя по отчеству?)... Вот, выпейте воды.

Зубы стучат о край стакана, вода проливается на грудь.

– Ваше Высочество, а вы меня не развяжете?

– Конечно, конечно, если только вы не будете снова кидаться на меня как рысь в лесу.

Я распутываю узлы и помогаю женщине под няться.

– Вот так, вот так... Садитесь в кресло, мадемуазель. Я пошлю кого-нибудь из своих адъютантов принести вам одежду.

– Mersi, – шепчет она и вдруг, лукаво стрельнув в меня глазами, сообщает: – А вы весьма привлекательны, Ваше Высочество.

Понятно. Пропала ночь. А я так хотел выспаться...

Глава 5. Рассказывает Олег Таругин

Ну вот и год пролетел. «Как я выжил, будем знать только мы с тобой!» (Интересно, в этом мире будет Симонов?) За этот год у меня было много, мно-о-го дел. Во-первых, образование. Ну, классическое среднее образование я, кажется, получил. Странно было, когда мое второе «я», обычно молчащее и загнанное под спуд, подсказывало мне ответы на латыни, французском или немецком языках. По другим предметам я отвечал самостоятельно, чем поверг в немалое удивление господ преподавателей. Еще бы, формулы сокращенной тригонометрии в гимназиях начнут преподавать только лет через двадцать, дифракцию – лет через тридцать. А я это знаю, и от моих ответов профессура обалдевала, а мои милые наставники, Победоносцев и Данилович, выглядели именинниками.

В результате – мое образование вроде как завершено. Венценосный папенька выделил мне роту в стрелковом батальоне императорской фамилии, и теперь я – ротный. Как бы ротный. Офицеры-стрелки, по-видимому, решили, что обязаны отплатить мне за завтраки и ужины, превратить мою службу в бесконечное застолье. Ну это уж дудки!

Со своей ротой мне удалось провести пару занятий по рукопашному бою, несколько – по снайперскому делу. Глядишь, года через полтора из этого батальона выйдет первая

часть особого назначения. Посмотрим...

Основной моей задачей стала за этот год женитьба. Аликс Гессенскую я отшил так, что за русского цесаревича она выйдет только под страхом смертной казни. Это хорошо, потому как у меня на примете имеется другая невеста. Принцесса дома Гогенцоллернов – Виктория, для домашних – Моретта. Девица на полгода постарше цесаревича и была обручена с болгарским князем, Александром Баттенбергом, но кого это волнует? Даже если бы она была старше на двадцать лет, страшна, как Хиросима, и обручена с графом Дракулой, я все равно желал бы на ней жениться. Эта Моретта принесет в качестве приданого союз России с Рейхом, так чего ж еще желать? К тому же сказать, Баттенберг не настоящий князь. Несколько лет назад его свергли с престола, и теперь он отирается при европейских дворах в поисках поддержки. Самое пикантное в том, что до восшествия на престол Александр Баттенберг служил офицером в русской армии и был направлен на болгарское княжение именно для того, чтобы отстаивать интересы России. Однако «Сандро» оказался, мягко говоря, подонком, моментально забыв, кто, собственно говоря, поднял его из грязи в князи. Сейчас большего русофоба еще поискать... Ну-с, как говорится в одном фильме, который, может быть, снимут лет через семьдесят: «Жених согласен, родители невесты – тоже, осталось уговорить невесту».

Правда, насчет родителей невесты я малость приврал. Фриц и Вики, родители будущего кайзера Вильгельма и мо-

ей избранницы, его сестры, отчаянные англофилы, Россию ненавидят и отдадут свою дочь за русского цесаревича только под угрозой применения оружия. Конечно, еще жив старый кайзер, большой друг нашей империи, но он уже стар. Так что, если разобраться, у меня есть только один союзник. будущий кайзер Вильгельм. Парень он увлекающийся и рыцарственный и наверняка не упустит возможность поучаствовать в романтическом приключении.

Остается только придумать, как бы дать знать о своей любви и желании жениться. Идея пришла не сразу, но когда пришла и оформилась... Все-таки я гений. Ну, как минимум талант, особенно – в сравнении с бесцветными ребятами из патриархального, спокойного XIX века...

– ...Здравствуйте, господин академик.

– Здравствуйте, Ваше Императорское Высочество. Какая честь.

– Ну что вы, это для меня огромная честь, что сам академик Суриков согласился принять меня. Ведь я всего-навсего один из множества наследников множества престолов, а вы – величайший художник нашего времени!

Лесть – штука полезная. Василий Иванович приятно пунцовеет и смотрит на меня уже заинтересованно. Я рассыпаю дифирамбы его «Утру стрелецкой казни» и «Меншикову в Березове». С трудом вспоминая работы искусствоведов конца XX века, восхищаюсь композиционным построением полотен, расписываю цветовую гамму, историческую достовер-

ность. И вот результат: Суриков усмирен, покорен, очарован и готов выполнить любую просьбу восторженного цесаревича.

– Чем же я могу быть вам полезен, Ваше Высочество?

– Василий Иванович, я пришел к вам с нижайшей просьбой. Вы один сможете мне помочь.

Суриков удивленно пялится на цесаревича, пришедшего к нему за помощью.

– Дело в том, господин академик, что я... влюблен. Моя избранница – принцесса из дома Гогенцоллернов, Виктория. Мне необходимо дать ей знать о своей любви. И помочь мне можете только вы.

– Да чем же, Ваше Императорское Высочество?

– Напишите картину. Что-нибудь из наполеоновских войн. На переднем плане – молодой русский офицер, раненный. Над ним склонилась немецкая девушка. А дальше – бесконечная колонна французских солдат и Наполеон, безразлично смотрящий на раненого.

– И в виде русского офицера и немки будут изображены вы и ваша избранница, – Суриков, похоже, заинтересовался моей идеей. – Ваше Высочество, если позволите, я попробую сделать несколько набросков прямо сейчас.

Мы расстались через четыре часа. Мы обсудили наброски, до хрипоты наспорились по поводу композиции и решили вопрос с названием полотна. «Битва при Дрездене». Здорово! Хорошо, что у Василия Ивановича есть время и он готов

временно отвлечься от своей «Боярыни Морозовой». Обещал через три месяца выдать на-гора первый вариант. Пойдет...

Вот по осени и едем свататься. «Едем» – это значит я, Ренненкампф, Васильчиков и атаманец Шелихов, с которым я теперь каждое утро занимаюсь рукопашным боем. И, разумеется, с нами едет академик Суриков со своим полотном «После поражения». На переднем плане тяжело раненный русский офицер-драгун, который с мольбой протягивает руки к немецкой девушке. Девушка, списанная с фотографии Моретты, вытирает ему кровь, а сама с ужасом на лице смотрит на убитых пруссаков, лежащих рядом. И на все это безразлично взирает Наполеон, окруженный своими гренадерами, осененный трехцветными знаменами. Ну, если немцы намека не поймут, то я уж и не знаю, чем пронять этих бюргеров...

Проняло. Старый кайзер, полюбовавшись на присланное ему в подарок творение академика, прослезился и разразился длинной речью о братстве оружия, об общей истории, о давних традициях дружбы и добрососедства. А ко мне приближается молодой Вильгельм:

– Послушайте, кузен, одна из фигур на картине напоминает мне мою родственницу. Скажите, это случайность?

– Э-э... – А ну-ка, постараемся покраснеть и сделаем вид, что нам мешают руки! – Кузен, я могу вам довериться? Помните, мы с вами были довольно близки в России, но все

же...

Он заинтересован и заинтригован. Его серые чуть навывкате глаза впились в меня.

– Я полагаю, что не давал вам повода, кузен, сомневаться в моем к вам расположении.

– Хорошо, кузен. Я только хотел бы поговорить с вами наедине.

Теперь он уже не просто заинтересован, теперь он просто сгорает от любопытства. Пока звучат речи, я слежу краем глаза, как он нервно переминается с ноги на ногу, теребя свою сухую левую руку. Ну, понервничай, понервничай...

Через два часа, перед обедом, он решительно подходит ко мне и предлагает вместе осмотреть коллекцию холодного оружия. После чего круто разворачивается и широким шагом прямо-таки летит в Рыцарский зал. Я еле успеваю за ним, но в душе у меня праздник. Ключнуло!

Плотно затворив за собой тяжелые резные двери, он поворачивается ко мне. На лице написано нетерпение. Он едва сдерживает себя:

– Итак, кузен, мы с вами одни.

– Да, кузен. – Я делаю вид, что страшно смущен. Теперь самое главное не дать обнаружить игру. – Дело в том, что я... влюблен.

– О-о!

– В вашу сестру, кузен, – словно преодолевая себя, произношу я чуть дрогнувшим голосом. – О, я знаю, что крон-

принц и его супруга не любят мое бедное отечество. Я знаю, что она обручена с этим выскочкой Баттенбергом, что я недостойн ее, но... но что же я могу поделаться с собой?

Выпалив в него эту «бесценную» информацию, я умолкаю с убитым видом. Теперь ждем реакции.

Будущий кайзер проходится по залу взад и вперед и наконец останавливается прямо передо мной. Я опускаю голову, всем своим видом выражая полное смирение с судьбой.

Внезапно мне на плечо опускается его могучая правая рука. Он предплечьем поднимает мой подбородок и пристально смотрит мне в глаза. Потом неожиданно широко улыбается:

– Ну, выше голову, кузен! Кто он такой, этот Сандро Баттенберг? Мелкий авантюрист, негодяй, каких множество. А вы, вы, кузен, – наследник престола великой державы! – Он обнимает меня за плечи, притягивает к себе. – Полно, Ники, полно! Дед охотно одобрит ваш брак с Мореттой. Я сам готов замолвить за вас слово. Да черт возьми, я буду счастлив видеть вас своим братом!

– Вы говорите это серьезно, кузен? – Как же долго я репетировал эту дрожь сомнения в голосе! – Вы готовы помочь мне в моем сватовстве?

– Ведь я же сказал вам, Ники. Я, – его голос окреп и гулко звучит в пустоте огромного зала, – я клянусь вам, дорогой кузен, своей честью, что помогу вам в этом деле!

Он хватает со стены готический меч и, стряхнув с него

ножны, воздевает клинок вверх:

– Пусть эта честная немецкая сталь станет мне свидетелем! Как прочен сей меч, так нерушимо мое слово! – И, уже чуть остыв, продолжает: – Я сегодня же обеспечу вам встречу с Мореттой тет-а-тет.

Ого! Этот парень круто берет. Ну вечером так вечером... Вечером, за ужином, я жду от Вильгельма обещанных действий. О, вот он подошел ко мне и протягивает портсигар, зовет в курительную. Пойдем, пойдем.

В курительной множество гостей. Вильгельм протягивает мне сигару, закуривает сам и, выпустив клуб ароматного дыма, тихо и внушительно произносит:

– Если вы пойдете в музыкальную залу, Ники, вы не будете разочарованы. – И покровительственно хлопает меня по плечу. Да ладно, ради нужного дела можно и потерпеть фамильярность.

В музыкальной зале полумрак. Никого, ни единой живой души. Я подхожу к роялю, сажусь за инструмент и бездумно выстукиваю двумя пальцами какой-то легкомысленный мотивчик. Внезапно сообразив, что это – песенка Глюкозы про невесту, я чуть было в ужасе не захлопываю крышку, но тут в голову приходит шальная мысль. Цесаревич вовсе недурно играет на рояле и в совершенстве знает немецкий. А что, если?..

Простите меня, господин Вертинский. Эту песню вы уже не напишете, потому что я украл ее у вас. Но вы же – та-

лант. Напишите что-нибудь другое. Я беру несколько аккордов. Теперь текст: попробуем перевести на немецкий...

Чуть скрипнула дверь, и я тут же начинаю:

Я безумно боюсь зноя яркого лета
Ваших светло-пшеничных волос.
Я влюблен в ваше тонкое имя – Моретта,
И в следы ваших слез, ваших слез.

А крылатые брови, а лоб Беатриче,
А весна в повороте лица!
О, как трудно любить в этом мире приличий,
О, как трудно любить без конца!

Не могу, не хочу, наконец, не желаю,
И, встречая конец бытия,
Я вам сердце свое, словно мячик, бросаю:
Ну ж, ловите, принцесса моя!

Я оканчиваю проигрыш и слышу, как за спиной кто-то шумно вздохнул. Словно в испуге резко оборачиваюсь. Это она. А ничего, ничего. На фотографии она выглядела хуже.

На скулах Моретты играет румянец, она нервно теревит веер. Понравилось? А то, это ж вам не кто-нибудь – Вертинский, понимать надо! Так, теперь продолжать в том же духе...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Когда Вилли сказал ей, что в музыкальной зале ее ждет некто, кто не может явиться открыто, в первую очередь она подумала о Сандро. Милый, милый Сандро, с которым ее разлучили жестокие родственники. Забыв о гостях, она бросилась туда. Но, уже приоткрыв двери, она вдруг подумала: а с чего это, собственно, «однорукий рыцарь» станет заботиться о Баттенберге? Ведь он же ненавидит ее дорогого Сандро, до глубины души ненавидит. И вдруг помогает ей? Она не успела решить эту задачу, как из залы зазвучал рояль. Красивый молодой голос, совсем не похожий на голос Баттенберга, запел романс. Нет, не романс, а серенаду, посвященную ей. Кто же это? Сгорая от любопытства, она мышкой проскользнула в зал.

Горели свечи, разбрасывая вокруг призрачные тени. У рояля сидел человек в прусском мундире. Тихонечко, чтобы не спугнуть, Моретта подошла к нему сзади. Теперь она узнала его. Это был русский цесаревич. Он играл и пел, негромко, словно бы для самого себя, но в его песне звучала такая искренняя любовь, такая надрывная тоска! Ей стало жаль этого ловкого красивого юношу. Неожиданно она вспомнила рассказы Сандро о русских офицерах, об отце цесаревича, нынешнем императоре Александре. Если верить Баттенбергу,

русские были тупыми, жестокими, вечно пьяными дикарями. Но разве может дикарь сочинить такую песню. Нет, тут что-то не так. Задумавшись, Моретта вздохнула, поняв, что ее дорогой Сандро попросту клеветал на своих бывших товарищей.

От ее вдоха цесаревич резко обернулся и вскочил как ужаленный. Она встретила его глаза и неожиданно вздрогнула, увидев, что этот взгляд ей кого-то напоминает. Вот только кого?..

– Вы прекрасно играете, Ваше Высочество... – Надо ведь что-то сказать. – Мой брат тоже любит музицировать, и у вас мог бы получиться прекрасный дуэт.

– А вы, вы Ваше Высочество, тоже любите музыку? – Голос цесаревича дрожит, не то от волнения, не то от смущения, не то от обеих причин сразу.

– Конечно, я очень люблю музыку (ах, как жаль, что Сандро не умеет играть на фортепьяно!). Скажите, кто автор этих прекрасных стихов?

– Он перед вами, Ваше Высочество. Но разве эти стихи хороши?

– Ах, я никогда бы не подумала. Но кто же та, кому вы посвятили эту песню? Я не расслышала имя.

– Она передо мной, Ваше Высочество.

– Вот как? Но ведь вы меня совсем не знаете. Как же вы можете любить, не зная человека?

– Я видел вас на портрете, и, хотя он передает лишь внеш-

нее сходство, мне показалось, что я вижу ангела. А теперь я понимаю, что не ошибся...

Опять те же глаза. Она силилась понять: где, где, во имя всех святых, она уже видела такой взгляд?

– Вы смущаете меня, Ваше Высочество. – Моретта прикрыла лицо веером. – Я не заслужила таких комплиментов.

– Разумеется, Ваше Высочество. Разве ангел может быть доволен тем, как его славит простой человек?

Она зарделась. Неожиданно ей пришло на ум, что Баттенберг не был столь изыскан в своих речах. Теперь ей уже хотелось говорить с цесаревичем, и она вовсе не жалела, что здесь оказался не Сандро.

Рассказывает Олег Таругин

– ...Скажите, Ваше Высочество, – ее голос звучит крайне заинтересованно – добрый знак! – А песни наших композиторов вы знаете?

Вот это влип! Черт его знает, какие там у немцев сейчас композиторы?! Ну не Дитера же Болена ей петь! Да я из всей немецкой музыки только Вагнера и Шумана знаю... Оп!

– Да, Ваше Высочество. Шумана, например.

И, не дожидаясь ее ответа (еще спросит о каком-нибудь современнике, и будешь выглядеть серым невежей!), я затагиваю одну из песен цикла «Любовь поэта». Это единственная песня, которую Николай сумел выучить до моего прихо-

да, а я не догадался расширить запас. Вроде нравится. Кажется, пронесло.

Допев до конца, я выжидательно смотрю на нее. А девочка-то «поплыла»! Было бы это в XX веке, еще немного – и можно было бы смело приглашать к себе на рюмку чая и любоваться потолком в моей спальне! Теперь главное – не торопить события.

– Ах, Ваше Высочество, как я жалею, что, даже если я приглашу вас в Россию, вы не примете моего приглашения.

– Но почему же, Ваше Высочество? Кстати, называйте меня просто Мореттой – мне будет приятно.

– Охотно, только тогда и вы называйте меня Ники. Ах, Моретта, ведь ваши родители никогда не согласятся, чтобы их дочь, к тому же – чужая невеста, поехала в страну, которую они считают варварской. А мое отечество так прекрасно!

– У вас, наверное, уже лежит снег, Ники?

Так, по географии твердая единица. М-да, не дворянская это наука, география. Извозчики-то на что?

– Что вы, Моретта, сейчас у нас стоит такая же погода, как и в Берлине. Вот чуть позже действительно ударят морозы. Ваше... Моретта, скажите, вы любите охоту?

– Ах, нет! – Она смешно морщит носик. – Стрелять в бедных зверей – это ужасно!

– Да нет, я говорю не об охоте с ружьями. Любите ли вы охоту с собаками?

– Да, да! Это так забавно: скакать по полям, брать барьеры и гнаться за лисой...

– О, Моретта, это только изнеженные англичане травят собаками лис, а мы – мы берем волков и медведей! Ах, если бы вы знали, как это прекрасно, когда под подковами звенит мерзлая земля, заливаясь на разные голоса свора, и ты мчишься вперед, и пронзительный ветер сечет лицо и выдавливает из глаз слезы восторга. И взять волка живьем и бросить его к ногам своей... – Я обдуманно умолкаю.

Проняло! Как бог свят – проняло! Она смотрит на меня с восторгом. Надо продолжать.

– А потом, после охоты, как замечательно увидеть вдали золотой купол церкви, услышать благовест, и радоваться, и смеяться, и сожалеть лишь о том, что не можешь обнять весь этот простор, всю эту ширь, всю бескрайнюю Русь!

– Как прекрасна ваша родина, Ники, – шепчет Моретта заворуженно.

Ну, теперь последний штрих – Баттенберг не слишком богат и вряд ли баловал тебя дорогими подарками. А у нас в резерве – тяжелая артиллерия господина Фаберже!

– Моретта, я должен сказать вам: я люблю вас. Я знаю, что мой удел – несчастная неразделенная любовь, знаю, что ваш избранник – достойный человек, который любит вас и сделает вас счастливой. Но в память о том, что несчастный русский осмелился вас полюбить, я прошу, я умоляю вас принять это.

Моретта разглядывает шевровый футляр, потом открывает его и замирает в немом восхищении. Слава, слава русским ювелирам!

– Это белое золото и эти бриллианты пусть напоминают вам о снегах моей милой родины. А эти рубины, из которых сложено сердечко, пусть цветом своим напомнят вам о той горячей крови, которая готова ради вас излиться вся, до последней капли, из сердца того, кто счастлив одной лишь мыслью о том, что вы иногда вспомните его с состраданием.

Добил! До конца! Теперь уйти, пошатываясь, точно от непосильной ноши. Не оборачиваться, не смей! Вот так, молодец. А теперь – спать, спать, спать. Завтрашний день, полагаю, принесет мне множество хороших новостей.

Интерлюдия⁷

«Железный канцлер» был несколько озадачен просьбой императора явиться «на ковер». Оба они были уже немолодыми людьми – чего уж там, старыми пердунами, ему самому перевалило за семьдесят, а Его Императорское Величество Вилли давно уже разменял восьмой десяток. Ну не то чтобы очень давно, но в таком возрасте, знаете ли, год идет за 10. И вот ничегошеньки на этот день не планировалось – ни визита английского посла (напихать бы ему за спину свежего уголька из Эльзаса и отвесить пинка – годы годами, а на один полноценный удар, знаете ли, хватит, для такого де-

⁷ Автор этой Интерлюдии – Иван Дмитриевич Сергиенко.

ла не жалко), ни нижайших просьб депутатов рейхстага. Может быть, появился кто-то из «бывших» – ну там курфюрст Саксонский какой-нибудь, нижайше просить назад «владения»? Так такому визитеру не упустит случая отвесить пиннок Императорское Величество, присутствие канцлера для этого совершенно не требуется.

Все вроде бы в порядке. Обоим великим людям (в отличие от многих идиотов журналистов, Бисмарк вполне искренне считал своего императора великим), вообще говоря, осталась еще масса неподъемной работы – но заниматься ей через несколько лет будут уже другие. А ведь так много осталось сделать. Уговорить этого медведя на договор «перестраховки» – очень важно оторвать русских от Франции. Сделать все, чтобы занять Великобританию внутренними проблемами – ирландцами и шотландцами на острове, бурами в Африке, да мало ли еще кем. Франция, Австрия, Италия, Испания, Балканы... А главное – решить вопрос с наследником Его Величества. Конечно, по вполне достоверным докладам врачей, кронпринцу Фридриху осталось совсем немного, но даже это «немного» может растянуться на несколько лет. Что способен такой болван за несколько лет сделать... о-о-о-о-о, можно перечислять долго и с некоторыми вкраплениями русского – уж бывшему ли послу в Петербурге не знать таких выразительных вкраплений.

– Ваше Величество! – вежливый кивок.

– Проходи, Отто, – ответил слегка дребезжащий голос не

по-стариковски подтянутого человека. — Уж извини старика, что потревожил. Хочу посоветоваться с тобой, знаешь ли. Как любитель живописи с любителем живописи...

Вот тут едва ли не впервые за всю жизнь «железный канцлер» оказался по-настоящему ошарашен. В чем в чем, а в пристрастии к живописи будущий герцог Лауэнбург не был замечен самыми проницательными разведками мира. Да и Его Величество... впрочем, иные батальные картины император вполне даже ценил.

И одна такая стояла сейчас прямо перед ним, всего-то в паре-тройке метров. Не дожидаясь официального разрешения — боги Валгаллы, не первое десятилетие изволим здесь появляться, канцлер присел в заботливо установленное недалеко от кайзера кресло. И пригляделся к картине.

Так... поле боя, усеянное телами в форме старой прусской армии времен войны с Наполеоном. Попадаются и другие, но тоже знакомые мундиры — ну как же — русские! Надо думать, не то Прейсиш-Эйлау, не то Фридланд. И скорее, все же Фридланд — вон он, проклятый корсиканец, уставился куда-то с такой рожей, словно живую квакшу лимоном заел.

А уставился он на тяжело раненного офицера. Русский кавалерист, конечно, — правда, не определить, кавалергард, драгун или гусар, больно уж много крови, да мундир изорван. Надо думать, художник и сам не слишком хорошо разобрался в этой понятной любому пруссаку азбуке. И немецкая девушка, склонившаяся над русским, — вытирает ему кровь,

со страхом глядит на погибших пруссаков. Эх, не знает художник наших девушек – это какие-нибудь саксонки или гессен-дармштадтки будут ужасаться, а пруссачка, перевязав самые опасные раны, деловито метнется к следующему...

– Отто, мне кажется, – старческий голос сбил канцлера с размышлений, – что ты слегка... задумался. Да, этот русский художник хорош. Надо будет потом послать ему какую-нибудь висюльку с бриллиантами, будет полезно. Вдруг да и сподобится на что-то похожее. Итак, как тебе битва под Дрезденом?

Ага, все же не Фридланд. Дрезден. Ну что ж, тоже неплохое было дельце, жаль, что лягушатник все же выиграл. Ничего, ничего, пусть себе, вот глядит он и не знает, что уже скоро будет гнить на своем острове. Кхем, а почему это он глядит на кого-то знакомого? Доннервэттер... все же старею.

– Ты прав, Отто, – теперь голос Его Императорского Величества, первоклассного физиогномиста, приобрел некоторую хитринку, – перед нами – принцесса Виктория фон Гогенцоллерн, наша милая Моретта. Правда, в одеянии простолюдинки, ну да утереть кровь доблестному воину, павшему за Пруссию, и принцессе не зазорно. А не присмотришься ли к помянутому павшему воину?

Лицо-то знакомое, но вот откуда? Проклятая память, сейчас бы лет двадцать долой, да во времена Садовы... А, проклятье, вот откуда! Черт, так ведь и удар может случиться!

– Цесаревич (у Бисмарка впервые получилось выговорить

русские «ц» и «ч» настолько чисто) Николай... русский наследник престола...

– Да, Отто, да, – теперь голос императора звучал слегка устало. Видно было, что его при виде картины тоже чуть не хватил удар, и, хотя старика уже ОТПУСТИЛО, все же ручаться не стоило. – Всего лишь картина, всего лишь. Сиди спокойно, – поняв намерение канцлера куда-то мчаться, срочно выяснять, вставлять фитили и объявлять выговоры, отмахнулся император. – Картину написал русский... хм... Сурикофф. Это, как мне пояснили, их лучший живописец, академик чего-то там, награжденный чем-то – в общем, неважно. Картина написана по личной просьбе наследника. Понимаешь, Отто?

Император любил такие, с позволения сказать, «экзамены». Этот был из самых простых – чего уж тут сложного, это вам не с Горчаковым и Александром II беседовать, только-только начав русский учить.

– Хм... либо наша Виктория и впрямь произвела на парня впечатление (признаться, не припомню, где они могли видаться). Либо пьяный медведь решил вылезти из-под каблука датской стервы. И совсем замечательно – если наследник недвусмысленно намекает, что папа не вечен, а он-то готов дружить. Ну а милая Виктория – это так, требуемый для дружбы аванс.

– Bravo, Отто, – картинно попытался свести ладоши император. И не стал сводить – не в опере, право. – Bravo!

Именно эти варианты я и обдумывал. Признаюсь тебе, в третий не слишком верю – уж слишком это хорошо. В первый... да, это самый скверный случай, но и из него пройдохи вроде нас с тобой должны что-то выжать, а? – Невероятно! Его Императорское Величество изволили пошутить! Да даже в памятный день 1871 года... хотя нет, тогда-то император был после церемонии весел, как французский паяц.

– И Ваше Величество...

– Отто, мы не у китайского императора, не разводи церемоний, – отмахнулся кайзер. – Да, я думаю, что кто-то подкинул нашему русскому другу хорошую идею. Или он сам додумался – сильно подозреваю, что этот так называемый миротворец куда умнее, чем кажется.

– Ваше Величество, – тут же перехватил инициативу канцлер. В конце-то концов, именно он занимался государственными делами, а кайзер... кайзер жестом умудренного художника иногда вносил правку. Муху там нарисовать на лбу персонажа картины. Или встретиться и переговорить с монархами соседних держав лично – есть вопросы, которые канцлеры и министры просто не посмеют ставить перед ПЕРСОНАМИ. – Я немедленно... проинструктирую вашего внука. Ведь, если что, не к кронпринцу же пойдет русский наследник? А наш юноша, пожалуй что, будет только рад принять участие. Любовные интриги, письма, шпаги и кони, уносящиеся в ночь. Ну и, конечно же...

– Ты правильно понял, Отто. – Император прикрыл глаза

и откинулся на спинку мягкого кресла. Господи, и это человек, который лет десять назад мог по четыре часа выдерживать в седле отнюдь не смирной деревенской кобылы! – У нас мало времени. Мы должны уйти, оставив Николая женатым на немецкой принцессе. И оставив его лучшим другом нашего Вилли. Ступай, Отто. Делай, что сочтешь необходимым, вряд ли я должен знать это в деталях... А я пока посижу, подремлю, подумаю, какой должна быть речь.

– Речь, Ваше Величество? – Вообще-то канцлер уже все понял, но лишний раз польстить кайзеру не помешает. Мол, какое Его Величество проницательное и мудрое.

– Ну да, Отто, неужели не ясно? Эту картину, разумеется, я в первый раз увижу уже во время визита – никто же не знает, что Его Проницательное и Мудрое Величество столько внимания уделяет мелочам. – Бисмарк чуть вздрогнул. Нет, но какие способности к физиогномике... – Старый пердун кайзер, полюбовавшись на присланное ему в подарок творение... этого, как его... в общем – академика, прослезится и разразится длинной речью о братстве оружия, об общей истории, о давних традициях дружбы и добрососедства. И вот после нее наш русский юноша должен сразу попасть в дружеские объятия Вилли. И если он после этого не разговорится – право же, Отто, можешь отвесить мне пинка под зад. Со всей силы, уж как водится между старыми вояками...

Рассказывает Егор Шелихов

А сперва братья в атаманцы не хотели. Мелковат, говорят. Да уж батюшка уломал. Двух телок отдал и шесть овец. И то сказать: братья в гвардии, а я что ж? Так и стал я, Егор Шелихов, казаком лейб-гвардии атаманского полка. Сперва, ясно дело, учили. Ой как учили. Мало не было. Да мне такая наука впрок. Целый год ходил как по струночке, зато потом... Потом – караул в покоях цесаревича. Сперва, конечно, дальний, ну а потом уже и в самые покои попал. Люблю я это дело: стоишь на часах, мундир на тебе – с иголки, шашка – подвись, когда кто из царской семьи или генерал какой пройдет. Остальное время – неподвижно, вроде как и не ты тут, а болван деревянный. А мимо тебя ну точно мураши все снуют, торопятся куда-то. Девки молодые – красавицы, нашим станичным не чета, тоже спешат, перемигиваются, пересмеиваются. Офицеры торопятся – у цесаревича не забалуешь. Я-то знаю... Пришел он как-то к нам в полк, посмотрел, как лозу рубят, как джигитуют, а потом и спрашивает: есть, мол, кто, донскому бою⁸ обученный? Ну, казаки мнутя, молчат. И то сказать – диво: откуда енто Его Высочество про наш бой наслышан? А он серьезно так: мол, если есть такие молодцы, то, мол, не покажут ли? Ну, меня тут

⁸ Имеется в виду «рукопашный бой пластунов», сложившееся уже к 1840 году боевое искусство, созданное на основе более древнего рукопашного боя «спас».

ноги и вынесли. Знаю, стал быть, умею.

Их Высочество посмотрел на меня, кивнул и говорит: нешто один таков есть на весь полк? Ну, тут уж и остальные полезли. Известное дело – вторым выходить завсегда проще, чем первому. Набралось нас человек восемь, цесаревич кивнул и говорит: хватит. Покажите теперь, мол, молодцы-атаманцы, чему ж вы обучены? Показали, ага... и швыряли друг дружку, и караульного снимали, и с пласта вверх кидались. Посмотрел он, значит, посмотрел, а потом и говорит: а что, говорит, молодцы-атаманцы, может, кто со мной попробует? И улыбается. Хорошо так улыбается. Сунулся я было опять вперед, да приказный наш, старый казак Семен Крюков, за плечо меня цап! Стой, говорит, дура, куды? Ишо помнешь Их Высочество, а потом тебя, дурака, в железа да в Сибирь. А цесаревич манит, смеется: что ж вы, молодцы-атаманцы, аль боитесь? Да не бойтесь, говорит, калечить не стану. Мне себя спытать охота...

Вышел тут дядька Крюков, да и говорит: вы, Ваше Императорско Высочество, не смущайте казаков. Боимся, говорит, только за вас. Как бы вас не помять... А цесаревич ему в ответ: не бойся, казак, а если помнешь меня, так на тебе вины не будет, только на мне, мол. А кто меня одолеет, тому вот – и червонец протягивает. Ну, тут уж сам наш подхорунжий, Подтелков, не стерпел, вышел. Хотел было цесаревича под микитки да наземь, а только не вышло. Вывернулся цесаревич угрем да Подтелкову и в ноги. Тот так кубарем и

полетел. А Их Высочество ногой эдак вот махнул и говорит: убил я тебя, подхорунжий, пушай кто другой попробует. Еще двое попробовали, да куды там! Одного он подсеком сбил, а другому так в душу ударил, что тот и встал-то не вдруг. А цесаревич, значить, еще поединщиков зовет.

Как меня ноги вынесли, сам не вспомню. Только встал я перед Их Высочеством, пояс расстегнул, шашку снял и пошел на него. А он, значит, стоит так, покачивается, ждет. Я пригляделся да и смекнул: он же меня на мою же силу словить хочет. Ну, это я ученый, говорю же, что ростом не вышел. А все в драке ловчее меня во всей нашей Затонской станице не было. Начал я его обходить слева, а потом как вправо метнусь! Да ногой-то его и подсек. Он хотел было подпрыгнуть, да поздно уже – по песку катится. Тут я на него и надел. Еле сдержал, однако, так он из-под меня рванулся. Но я его коленом придавил и говорю: Ваше Амператорско Высочество, теперя можно вам и ручки опояской вязать. И встал. Гляжу – он мне руку протягивает: помоги, мол, встать. Я руку протянул, а он прыжком встал, по плечу меня хлопнул и говорит: как звать тебя, молодец? Егором Шелиховым, отвечаю. А что же ты, казак Шелихов, не по форме одет? Так я ж для драки шашку снял, отвечаю. А цесаревич смеется: нет, говорит, Егор Шелихов, я не про шашку говорю, а про погоны. Ты ж младший урядник, а погоны голые.

Я сперва и не понял, что это он меня чужим чином зовет, а как осознал... Стою, глаза выпучил, улыбаюсь, чисто как

дурачок. С третьего раза только разобрал, что мне подсказывают. Рад стараться, Ваше Амператорско Высочество! – ору. А цесаревич мне червонец протягивает: бери, мол, заслужил.

Тем же вечером я всю сотню поил, новый чин праздновал. А назавтра приходит в полк гумага, и прописано в ей, что младший урядник лейб-гвардии атаманского полка Егор Шелихов отряжается в свиту Его Амператорского Высочества. Ординарцем.

Я с той поры при самом цесаревиче и служу. Поутру мы с ним друг дружку по земле валяем, то я его, то он меня. Учимся, стал быть. И так всякий день: праздник – не праздник, а будь любезен. Цесаревич вовсе прост оказался: и за один стол меня с собой сажат, и по имени-отчеству кликат. Через месяц сам позвал фотографию сделать: он сидит, а рядом – адъютант евойный, Пал Карлыч, да другой адъютант – князь Васильчиков, да два ординарца – я и унтер из стрелков, Махаев. Мне и Махаеву велел карточки домой послать, да на каждой и написал: «Спасибо за отличного сына!» – и подписался. Что в станице творилось, когда батюшка такую карточку получил, я даже вообразить не могу.

Иной раз смотрю на цесаревича и мыслю: вот прикажи мне сейчас здесь за тебя умереть – не пожалею живота, хоть сам зарежусь. А уж коли скажет на кого – так, прости Господи, родного батьку не пощажу, самого амператора шашкой располовиню. Только скажи, Твое Высочество, всех поубиваю, никто не спасется...

– Шелихов!

– Я, Ваше Императорское Высочество!

– Вот что, братишка (слово-то какое подыскал – «братишка»!), вот что... Ты здесь как, уже обжился?

– Так точно, Ваше Императорское Высочество!

– А раз обжился – вот тебе письмецо, да снеси-ка его принцессе Виктории. И чтоб одна нога здесь, другая – уже там!

– Мигом, Ваше Императорское Высочество!

Всего-то и делов – верхом на буланого, вихрем пронестись по улице, распугивая городских и прочих казачьим посвистом, да в тот дворец, где вчера цесаревич с ихней немкой амуры разводил. Часовые было штыки сдвинули, но послы, как разобрались в атаманском мундире, позвали начальника караула, офицера. Тот давай чтой-то спрашивать, да ведь не разумею по-германски...

– Мне, вашбродь, до покоев принца Вильгельма надобно. Принц ваш, Вильгельм! – Вот наказание! Как этим немтырям втолковать?

Однако офицер улыбнулся, дал знак пропустить. Теперь уже на своих двоих, бегом. О, вот она, принцесска-то. Собой не видна, тоща, только глазюки сверкают на пол-лица. Ловко, с полупоклоном письмо протянул, рядом стою. Прочла, аж засветилась вся. Говорит что-то. А, должно, обождать, просит, пока ответ будет. Постою...

Чего? Я, вашбродь, по-вашенски не разумею. И неча на

меня кричать. От глотка лужена – орет и орет. Эка! Да он и по-нашему лаяться умеет! Ага! Щас я тебе и доложил: кем послан, к кому послан... Раз по-нашенски разумеешь, так и в мундирах понимать должен. А я что – спокойненько во фрунт встал и молчу себе, о своем думаю. Э-э! Что это он на принцесску цесаревича мово орать стал? Непорядок. Я осторожненько так плечиком принцесску-то загораживаю и всем своим видом показываю, что в случае чего и заступиться за нее могу. Ишь, разошелся, чирей тебе в горло, да что ж ты так надрываешься? Ушел... Видно, так разозлился, что аж побежал... Чего это мне в руку тычется? А, принцесска письмо ответное сует. И серебряную денежку. Ну, вот этого нам не надобно, чай, не за подачки служим, а за отечество...

Глава 6. Рассказывает Олег Таругин

Следующая неделя прошла в постоянных встречах с Мореттой. Мы вместе гуляли по Берлину, вместе скакали по окрестным паркам, вместе любовались галереей, вместе слушали музыку... Я могу гордиться собой: за семь дней добиться яркой влюбленности этой германской принцессы, весьма избалованной вниманием противоположного пола, задача не из легких! Но вообще-то это была нечестная игра: у меня опыт взрослого мужчины конца XX века, плюс – не самое плохое знание истории. Я помню все, что читал о ее женихе, Баттенберге, и иногда сообщаю о нем гадости, правда, при этом обязательно добавляя, что не верю в них. Но это мелочи. Главное – на моей стороне перспектива занять трон крупнейшей европейской империи, и моя избранница не собирается упускать такую возможность.

Ко всему прочему, Моретта не перестает восхищаться преданностью моих людей. Сегодня с утра Шелихов отнес ей мое любовное письмо и быстро доставил ответ. Но не успел я его прочесть, как ко мне явился кузен Вилли вместе с очаровательным автором. Виктория-Моретта вся так и сияла.

– Ах, Ники, я не устаю поражаться вашей стране. У нас с Баттенбергом (о как! Уже не с «Сандро», а с «Баттенбергом»! Ну-ну...) вышла небольшая размолвка, и князь имел дерзость повысить голос. Так ваш ординарец, этот казак, так

на него взглянул, что Баттенберг убежал. И ты знаешь, Ники (а как же: мы уже три дня на «ты»!), ты знаешь, мне показалось, что твой казак готов был убить беднягу за то, что тот осмелился говорить со мной непочтительно...

– Конечно, Моретта. Мои люди преданы мне. У нас, русских, это вообще в крови. Если дружим, то навсегда, если любим – то до смерти.

– Да, Ники, но, когда я протянула ему десять марок, на vodka, он отскочил так, словно я предложила ему змею!

– Но, Моретта, чего бы ты хотела? Он ведь служит мне не за деньги!

– А за что?

Эх, Ваше Высочество. Как же вам, европейцам, растолковать, что такое «за веру, царя и отечество»? Мой Егор искренне верит, что я – и есть отечество...

– Ники, Моретта! Посмотрите! – Голос у будущего кайзера могуч и звонок. Он машет рукой, указывая в сторону прудов.

На водной глади дворцового пруда грациозно плывет пара лебедей. Самец выгибает шею и точно обнимает самочку, которая, с видом заправской светской кокетки, отворачивает голову, прикрываясь крылом, словно веером.

– Разве это не символично? – восхищенно вопрошает мой будущий шурин. – Вы знаете, что лебеди – самые верные супруги?

Моретта замирает в восхищении. Да, конечно, жутко сим-

волично. А что, если воспользоваться моментом и попробовать действовать по правилам конца XX века? Приобнимем нашу избранницу, ну, так, слегка... Смотри-ка, ничего, только чуть-чуть плечиками обозначила, эдак удивленно. А может, и за руку позволит взять? Позволила. Так-так, закрепляем успех...

А вот сравнение с лебедями – жаль, что не я это сказал. Хотя, по своей циничности, наверняка бы упомянул о том, что эти гордые птицы здесь с подрезанными крыльями. Мда, пожалуй, надо избавляться от цинизма, а то так ляпнешь что-нибудь не то – не поймут. У них тут и с чувством юмора туго...

– Моретта, Ники... – Судя по выражению лица, Вильгельм явно собирается сказать нечто весьма важное. – Я поговорил с дедом, и он разрешил мне этой зимой поехать в Россию с ответным визитом. И самое главное, – он хитро улыбается, – кайзер разрешил Моретте ехать вместе со мной!

Кузен Вилли оглядывает нас с таким видом, словно он только что принял капитуляцию французов при Седане. Ладно, ерничать нечего – он впрямь большой молодец. Даже я не ожидал от него такой прыти.

Моретта же просто цветет. Покраснев до самых кончиков ушей, она опускает глаза и срывающимся голосом шепчет брату слова благодарности. Ну, надо и мне свои пять копеек внести.

– Кузен! Родной брат не смог бы сделать для меня боль-

шего, чем сделали вы! — Я придаю своему лицу выражение самого искреннего восхищения. — Если когда-нибудь я смогу хоть в малой степени отплатить вам за оказанные мне услуги, то, Вилли, — максимум честности во взгляде и восторга в голосе, — я в тот же момент буду в вашем распоряжении! Но как вам удалось добиться такого чуда?

Вилли глядит именинником. Он долго и с подробностями повествует, как решился просить аудиенции у кайзера, как предварительно говорил с бабушкой, рассказав ей о великой любви между русским цесаревичем и принцессой дома Гогенцоллернов, как они вместе убеждали деда в необходимости помочь молодым влюбленным... Моретта слушает, затаив дыхание. Все-таки здесь, в старом, добром XIX столетии, люди весьма и весьма наивны... Я подавляю невольную улыбку. Мне совершенно ясно, что старый и мудрый кайзер, который всю жизнь ратовал за германо-русский союз, вместе со своим железным канцлером в первый же день нашего пребывания в Берлине просчитали и цель визита, и возможные выгоды, и все ожидаемые сложности. Недаром же кронпринц вместе с супругой были под благовидным предлогом удалены из столицы, а Баттенберг, несмотря на все свои старания, так и не сумел со мной встретиться, ни прилюдно, ни тем более наедине. Хотя о последнем можно только пожалеть: на дуэли я бы наверняка его ухайдакал. И не потому, что я такой великий фехтовальщик, а потому, что у меня свои взгляды на поединки. Клинок клинком, а пневматиче-

ский пистолет с отравленной иглой – совсем другое дело. Это уже гарантия победы. Не поймите неправильно: я не трус. Но будет неразумно сдохнуть только оттого, что какой-то проходимец научился шпынять стальным дрючком лучше меня. У меня еще не было поединков, но Васильчиков уже освоил свое оружие и готов всадить иголку в любого оппонента по моему выбору...

Однако теперь надо решать, как мне сообщить милым «предкам» о своем выборе. С посольскими мне удалось договориться пока не сообщать в Петербург животрепещущие новости об амурных похождениях наследника престола, а папарацци в те времена еще не существовало. Но по приезде домой все же придется доложить о «проделанной работе». Ну, папеньке, положим, все равно. Я ему «заряженный» штоф поднесу, так он вообще дай бог, чтоб Викторию-Моретту от Виктории-вдовы отличил. А вот с маменькой будут проблемы... Господи ты боже мой, да что ж Дагмара так ненавидит Германию?! Датско-прусская война отгремела двадцать лет назад, да и условия мира были не так уж тяжелы. А она все никак простить не может... Ну да ладно: бог не выдаст – свинья не съест. Авось вспомнит, как любила своего первого жениха, моего рано усопшего дядюшку, проникнется и растает... А не растает, так в Сибирь отправлю, после смерти папаши...

Моретта не поехала проводить меня на вокзал. И правильно: нечего инициировать лишние слухи и домыслы. Уже у

нашего салона-вагона Вильгельм крепко берет меня за руку:

– Итак, мой друг, решено: не позднее Рождества мы будем у вас.

– Нашего Рождества, кузен?

– Разумеется, вашего. Было бы просто невозможно уехать из столицы на Рождество. – Он широко улыбается и берет меня за локоть. – Но что я могу вам обещать: за эти три месяца мы все постараемся вышвырнуть этого мерзавца Баттенберга из Берлина, да и с территории Рейха.

Он еще раз широко улыбается, от чего его знаменитые (в будущем) усы топорщатся и воинственно приподнимаются. Эге, если он собирается вышвырнуть Баттенберга, то, значит, помолвка... Нет, какой я все-таки молодец! За три недели решил вопрос, над которым Европа, сколько я помню, билась больше трех лет!

Кузен Вилли радостно сообщает мне, что кайзер рассчитывает на помолвку после Рождества. На его лице светится такое детское счастье, что, плюнув на маскировку, я обнимаюсь с Вильгельмом. Правильно про него было... нет, будет написано: «Последний император был истинным рыцарем, несмотря на несколько взбалмошный характер...» Или не будет написано, а появятся строки, прославляющие гений, благородство и уникальные способности к прозрению третьего (но отнюдь не последнего) императора Второго Рейха.

Вот так, господа исследователи времени. Исправлять теперь мои дела будет ой как непросто: попробуйте-ка разо-

рвать такие отношения! Эдак вы из Вильгельма законченного русофила сделаете. В общем, куда ни кинь – везде клин!..

Под звуки духового оркестра поезд медленно трогается. Я стою у окна и машу рукой Вильгельму, который отдает мне честь. Вот промелькнули здания вокзала, прощай, германская сторона. Так, теперь стоит сесть и все хорошенько обдумать, как будем вести себя дома...

– Ваше Высочество, разрешите?

– Заходите, Павел Карлович, прошу.

Ренненкампф проходит в салон и останавливается передо мной.

– Государь, мы тут с князем посоветовались...

– Постойте, Павел Карлович, как вы меня назвали? – Или я ослышался и принял желаемое за действительное, или... Или мои действия приносят первые плоды?

– Простите, Ваше Высочество... – Ренненкампф смотрит на меня своими прозрачно-серыми глазами прямо и твердо, не отводя взгляд. – Простите, но между собой мы уже давно называем вас «государь». А теперь вот просто как-то само слетело с языка.

Понятно. «Просто слетело с языка» – это здорово. Такой вот изощренный метод подхалимажа. Ну, ладно, надо все-таки узнать, о чем они там советовались...

– Мы тут посоветовались, Ваше Высочество: будет лучше, если вы не сообщите императорской чете, да и всем вашим родственникам о том, что было в Берлине...

Ха, я и сам думал об этом, вот только как это «не сообщать»? Ведь отчет давать все равно придется.

– Как вы себе это представляете, Павел Карлович?

– Все очень просто. – Он чуть понижает голос. – Это не вы ухаживали за принцессой, а я. Или князь.

А в этом что-то есть. Можно попробовать, по крайней мере иметь как запасной вариант. Молодцы.

Интерлюдия

Яркий свет, напряженный гул голосов...

– Итак, я резюмирую: иновременной донор отказывается добровольно покинуть реципиента и предпринимает действия, переводящие бифуркационный узел из разряда второго рода в первый. Попытка войти в контакт с ИД, предпринятая магистром Крупиной, чуть было не привела к гибели последней. Считаю необходимым провести операцию по насильственному возвращению ИД в его временной кластер. Проведение поручаю доктору Фалину и доктору Берштейну...

Глава 7. Рассказывает Олег Таругин

Наше возвращение было легким. Васильчиков действительно мужественно принял на себя обвинения в легкости поведения, но теперь хотя бы надо мной не висит дамокловым мечом попытка заключить союз с «вероятным противником». И то хлеб. А тем временем я получил еще одно очень важное право: теперь я присутствую на заседаниях Государственного и Императорского советов, так сказать, официально. Фактически с правом голоса.

Мой венценосный рара спокойно передал мне часть своих обязанностей. Он лишь поцокал языком и, стиснув мои плечи, прорычал: «Гляди-ка, Николя, человеком становишься! А я-то думал, ты у меня дурачком удался!» Нельзя сказать, чтобы венценосный алкаш был совсем не прав: прежний Ники был не просто дурачком, а вполне законченным кретином. Последний блаженный в русской церкви. М-да уж, нынешнего вряд ли канонизируют, хотя... неисповедимы пути Господни... а уж церковные – и подавно...

Утро. Рука сунулась под подушку, где, начиная с той памятной ночи Светланиного визита, лежит себе полеживает миленький короткорылый «бульдожка» бельгийской национальности. Так, на всякий пожарный...

Ох, как же неохота вылезать из постели. Вот так бы и проваляться до петропавловской пушки, ощущая задницей мяг-

кость перины. Как не так! Сам этот порядок завел...

– Ваше Высочество! – Грохот каблуков и громкие голоса. – Ваше Высочество, извольте подниматься. Биться пожалуйста.

Это Шелихов с Махаевым явились с утречка пораньше. Ну вот и повалялся. Прыжком выбрасываю себя из постели. После памятного визита Светланочки я, наплевав на все условности, сплю в армейском нижнем белье. Так, рожу ополоснуть, шаровары надеть, сапоги на портянки натянуть. Вот он я, готов, оппоненты дорогие...

Мы в хорошем темпе бегом проносимся по коридорам дворца. А вот и зал для фехтования. На стенах еще висят маски, нагрудники, рапиры, сабли, но на пол уже давно навалены маты. Мягкие сапоги-ичиги, казачьи шаровары и льняная исподняя рубаша – отличная форма для занятий рукопашным боем. Привычно надеваю шлем из кожи – необходимая предосторожность. Не прошло и трех месяцев, как я пугал венценосных родителей замечательно громадным бланшем, поставленным мне услужливым Филей Махаевым. Ну, понеслась...

Махаев пытается достать меня крюком справа. Несмотря на свои невеликие года, в родном Саратове он числился в непобедимых кулачных бойцах. Он меня почти достает, негодяй. Можно бы поаплодировать, но некогда. Перекатом ухожу назад и пытаюсь из положения лежа подсесть ему ноги. Раньше этот фокус проходил на ура, но Шелихов кое-чему

подучил своего коллегу, и унтер-стрелок успевает подпрыгнуть. Когда он приземляется, я уже стою на ногах. Н-на! Эх, чуть-чуть не дотянулся... Уй! А вот он – дотянулся. Вот ты ж зараза, как больно своего будущего государя саданул... О-ба! Примите мои уверения в совершеннейшем к вам почтении. Этот удар мне сам Махаев и поставил – полновесный прямой справа. Он как-то задумчиво прикладывается отдохнуть. Нокаут. Что-то я сегодня быстро с ним разделался – придется еще с Шелиховым поспарринговать.

Невысокий Егор катится вокруг меня, как мячик, состоящий из мускулов. Ну-ка, ну-ка, что это ты замыслил, казачья твоя душа? Ага, ты меня, значит, на бросок решил поймать! Так это мы еще будем поглядеть, кто кого поймает... Поглядели, мать твою так! Поймал, зараза! В последний момент поменял направление броска и кинул меня влево, хотя обозначал атаку вправо. Э-эх, все! У него не вырвешься...

– Хорош, Егор, хорош. Сдаюсь! Посмотри, там Махаев не очухался? Филимон, ты живой?

Слабое мычание означает, что унтер-офицер Махаев приходит в себя. Рядом яростно валяют друг дружку Васильчиков и Ренненкампф. Ну, это у них надолго. Странно: Егор с Филимоном не ревнуют меня, напротив – каждый старается показать приятеля в выгодном свете. А вот князь Сергей и Павел Карлович – друзья-то друзья, а до дела дойдет – ревнуют меня хуже, чем Отелло Дездемону. Вот и сейчас каждый старается выйти победителем, ведь я вижу схватку.

Хотя во всех остальных случаях действуют они дружно, так сказать, единым фронтом. К внутреннему, ближнему кругу добавились еще два человека: капитан Хабалов⁹, который не знает, да, надеюсь, никогда и не узнает, что в феврале 1917-го он будет фактически единственным человеком, пытавшимся штыками столичного гарнизона переломить ситуацию, и военно-морской адъютант – лейтенант Эссен¹⁰. Этого скоро придется отпустить в академию, но пусть запомнит, что государь у него – я! Именно сейчас Хабалов активно загоняет чуть растерявшегося Эссена в угол зала. Ничего, ничего, Николай Оттович, держитесь! Учитесь выпутываться из сложных боевых ситуаций...

Так, пора заканчивать этот марлезонский балет. Кажется, Ренненкампф стал сдавать, и теперь он становится способен

⁹ **Хабалов Сергей Семенович** (1858–1924) – генерал-лейтенант (1910). С 2.10.1903 начальник Московского, с 27.4.1905 – Павловского военного училища. 24.1.1914 назначен военным губернатором, командующим войсками Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска. Зарекомендовал себя хорошим администратором и 13.6.1916 был отозван в столицу и назначен главным начальником Петроградского военного округа. С 6.2.1917 командующий войсками Петроградского ВО. 28.2.1917 арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1919-м уехал на Юг России. 1.3.1920 эвакуировался из Новороссийска в Салоники. Умер в эмиграции.

¹⁰ **Эссен Николай Оттович** (1860–1915) – адмирал флота (1913). Командир броненосца «Севастополь» при обороне Порт-Артура. В 1909–1915 гг. командующий Балтфлотом. В начале Первой мировой войны по плану Эссена в Финском заливе была создана глубоко эшелонированная оборона, опиравшаяся на минно-артиллерийские позиции, в результате чего силы германского флота в 1914–1916 гг. были скованы.

на любые, абсолютно противозаконные действия. Эдак ведь ухлопает еще Васильчикова сгоряча. Или тот его...

– Господа офицеры! – Ох ты! Подскачили, как ошпаренные котята. – Вольно, вольно! На сегодня достаточно. Пойдемте завтракать, господа.

Вот так. Эта парочка снова не выяснила, кто же из них сильнее. И не выяснит, уж я-то постараюсь. Нечего их в искус вводить.

Мы шагаем по переходам Зимнего дворца. Адьютанты переговариваются, а ординарцы жарко обсуждают перипетии сегодняшней тренировки. Можно пока расслабиться. Что у нас там на сегодня запланировано? Вроде бы к Титову на верфь собирался съездить...

Одно из первых производств, которые мне удалось совершить с помощью «Водки Плюс», было присвоение Петру Акиндиновичу Титову¹¹ чина генерал-майора по флоту. Этот

¹¹ Титов Петр Акиндинович (1843–1894) – русский кораблестроитель-самоучка. Трудовую деятельность начал с 12 лет, работая подручным у отца, паровозного машиниста. В 1859-м поступил в кораблестроительную мастерскую Невского судостроительного завода в Петербурге, где прошел путь от рабочего до корабельного мастера. Руководил строительством фрегата «Генерал-адмирал» (1873), клиперов «Разбойник» (1878), «Вестник» (1880) и др. кораблей. С 1882 г. главный инженер франко-русского завода в Петербурге, где были построены крейсера «Витязь» (1884), «Рында» (1885), броненосцы «Император Николай I» (1889), «Наварин» (1891). Разработал ряд прогрессивных технологических процессов (обработка судостроительной стали, разметка и проковка отверстий в листах, клепка и др.), изобрел кессон для ремонта подводной части корпуса судна без ввода его в док. Под руководством А. Н. Крылова в конце жизни Титов освоил основы математики, сопротивления материалов и теории корабля;

громадный человечище, похожий на былинного Илью Муромца, талантливый судостроитель-самоучка. Я постараюсь его использовать по полной программе. Он у меня еще министром военного кораблестроения станет... Главное сейчас – посоветовать ему прекратить проектирование и постройку рангоутных крейсеров и таранных броненосцев.

...В моей комнате нас ждет завтрак. Ну что ж – на семейных даже вроде и не очень много. Яичница аппетитно шипит, копченое мясо в меру солоно, а чай просто изумительно ароматен. Мы все дружно набрасываемся на еду. Это мой порядок: офицеры и унтера – за одним столом. Так надо. Тонняга¹² Ренненкампф сперва морщился, но потом смирился и, по непроверенным данным, иногда завтракает со своим ординарцем. Привычка – хуже болезни...

Мы уже заканчиваем, когда Васильчиков неожиданно меняется в лице. Князь Сергей смотрит на всех оторопелым взглядом, потом хватается руками за голову и трясет ей так, словно пытается оторвать.

– Князь, что с вами? Что случилось?!

Взвыв, он валится на пол, яростно сжимая свои виски. Припадок? Только этого не хватало...

– Филимон, коньяку, живо! Бегом, твою мать!

Мы с Ренненкампфом больно стукаемся лбами, одновре-

разработал проекты броненосных кораблей, получивших в 1892 г. на закрытом конкурсе Морского министерства 1-ю и 2-ю премии.

¹² **Тонняга** – задающий тон, законодатель мод и стиля поведения в своем кругу.

менно наклоняясь к Васильчикову. Да что же это?

– Государь! Вот коньяк! – Хабалов, отбросив к чертям и этикет, и секретность, протягивает мне бутылку, которую мгновенно раздобыл где-то Махаев.

– Зубы ему разожмите! Да не ножом, Николай Оттович, ложкой! Вот так... Голову приподнимите... – Коньяк янтарной струйкой течет в приоткрытый рот. – Сергей, вы меня слышите?.. Слышишь меня, Серега?!

По лицу Васильчикова разливается мертвенная бледность и тут же сменяется лихорадочным румянцем. Он изумленно смотрит на нас и тихо спрашивает:

– А где этот? Ну, который...

– Какой «который», Сергей? – Ренненкамппа просто-таки трясет от переживаний за друга-соперника. – Здесь никого не было.

– Никого, – нестройным хором подтверждают все остальные, включая меня.

Но Васильчиков уже нас не слышит. Он без сознания. Господи, воля Твоя, что это было?..

Интерлюдия

...Яркий, ослепительно яркий свет режет глаза. Так тихо, что, кажется, можно услышать, как бьются сердца собравшихся.

– ...Психоматрица ближайшего окружения ИД изменена настолько, что попытка доктора Берштейна внедриться

в одного из потенциальных реципиентов едва не окончилась фатально. Из-за отсутствия резонанса колебаний биологических полей реципиент оказал столь мощное сопротивление, что психоматрица доктора Берштейна едва не была уничтожена. Проверка зондированием психоматриц остальных трех потенциальных реципиентов показала значительные расхождения с имевшимися эталонными образцами. Отдел психосканирования сделал предположение, что внедрение в эти сознания невозможно, по причине невычислимого, спорадического и скачкообразного изменения картины биокослебаний под внешним воздействием цесаревича, узурпированного ИД.

– А что с Берштейном? – Солидный голос, привыкший задавать солидные вопросы.

– Доктор Берштейн в настоящий момент находится в нашей клинике, в блоке интенсивной терапии, – не менее солидный голос, привыкший давать солидные ответы. – В настоящий момент его состояние не внушает опасений, и шансы на то, что психонема восстановится в полном объеме, весьма велики...

...Тем же вечером мы с Васильчиковым сидим в моем кабинете. Он уже отошел от утреннего припадка и теперь пытается объяснить мне, что же, в конце концов, с ним произошло.

– ...И понимаете, государь, я почувствовал себя сразу дву-

мя людьми. Одновременно! – Он понижает голос почти до шепота. – Ничего более странного я не испытывал. Один из этих двоих был я сам, а второй, второй... Понимаете, государь, я был каким-то ученым, что ли... вертятся в голове какие-то странные слова: «Психокарта, иновременной донор, экстремум развития»...

Он удрученно смотрит на меня, глазами больной собаки. Ничего, ничего, князь. Вы не понимаете, зато я все понял. Приходил взвод карателей. Только, похоже, не вышло. Крепость оказалась не по зубам...

Глава 8. Рассказывает Олег Таругин

Вот и Рождество подошло. Императорская фамилия готовится к встрече праздника, в связи с чем активно украшается дворец, с лихорадочной поспешностью шьются бальные платья, новые мундиры, на свет божий извлекаются драгоценности и развязываются мошны для покупки новых... Ну а у меня забот еще больше: ведь мне нужно подготовиться к приезду Вилли и Моретты. Надо подобрать подарки, разработать программу пребывания высоких гостей в России, нейтрализовать маменьку Дагмару, которая все-таки прознала о том, что в Берлине все было не совсем так, как ей было доложено. Мамап яростно взвилась на меня, грешного, и целый месяц рассказывала мне о зверствах прусской армии в Дании, о безобразных нравах берлинского двора, о своих святых чувствах к этой «омерзительной нации», которые, по ее мнению, должен испытывать «каждый человек, которому она хоть немного дорога»! Честно говоря, мне до чертиков надоели эти разговоры, но не могу же я, по крайней мере сейчас, сказать ей в лицо, куда ей нужно отправляться со своей пруссофобией! А жаль! Вот бы взглянуть на ее физиономию после примерно такой вот отповеди: «Ваше Императорское Величество! Я сейчас пойду на х..., а вы соблаговолите последовать за мной, только никуда не сворачивайте!» Но мечты мечтами, а делать-то что-то надо. Поэтому я вот

уже целый месяц рассказываю ей о своей «неземной любви», взываю к ее материнскому сердцу и привожу кучу идиотских примеров из мировой литературы. Господи Вседержитель, кого я только не призывал на помощь: и Шекспира, и Гомера, и Пушкина, и Шеридана, и Гёте, и даже Сервантеса. Хорошо все-таки, что память у меня неплохая! Постепенно венценосная особа начинает оттаивать, но до решительной победы еще очень и очень далеко. Впрочем, я особенно и не рассчитывал на взаимопонимание в самодержавном семействе: начитаны-с и в курсе об их самодурстве.

Но вот чего я почти совсем не переношу, так это когда маменька начинает привлекать себе в помощь всю камарилью великих князей, княжон и прочую погань. Если императрицу я не могу послать сексуально-пешеходным маршрутом, то с великими князьями у меня разговор короткий: мои адъютанты просто их не пропускают ко мне. А Сергею Михайловичу гвардейские офицеры просто фыркают вслед, и над его визитом в стрелковый батальон императорской фамилии до сих пор хихикает весь Петербург. Сей славный муж приперся на строевые учения и начал рассказывать мне гадости о пруссаках, заодно пытаюсь пополнить мои познания в военном деле. Причем свои советы по тактике и стратегии он подкреплял жутко перевернутыми цитатами из Клаузевица и Жомини. Моего терпения хватило минут на двадцать, по истечении которых я предложил «милому кузену» пойти и почитать вместо Клаузевица что-нибудь более доступное его

пониманию. Азбуку, например, но только чтобы с большими картинками, а то может и не одолеть. Любо-дорого было посмотреть, как «кузен Сереженька» пошел красными пятнами и умчался с глаз долой, точно наскипидаренный. А вечером того же дня меня отчитывал на удивление трезвый венценосец. Он гроыхал своим утробным басом, объясняя неразумному чаду о важности родственных связей, но в глазах у него скакали веселые чертики, и потому взыскания никакого я не получил. Даже жаль моего «папашу»: ведь когда трезвый – куда как разумен! Э-эх, водка, водка, сколько ж ты людей стоящих загубила...

Кстати сказать, сам Александр III ничего не имеет против моего брака с принцессой из дома Гогенцоллернов. Его принципиальное согласие я получил даже без помощи «заряженной» водки. Он вполне согласен с тем простым фактом, что союз с Германией имеет смысл всемерно укреплять и поддерживать. А уж если к этому приплелась еще и любовь – так и вовсе хорошо. Ведь самодержец действительно без ума от своей супруги и совершенно не может взять в толк: почему это его наследнику нельзя жениться по любви, если это не противоречит интересам государства? Вот только подкаблучник он абсолютный. И раз Марии Федоровне этот брак не по душе, то он будет ругать сына и уговаривать подчиниться матери...

Самое интересное то, что в последний момент выясняется: надвигающийся визит значительно серьезнее, чем пред-

полагалось ранее. Это не просто приезд двух членов правящей фамилии. Куда там! Намечается официальный визит кайзера, канцлера, кронпринца, военного министра. Ну и в числе многочисленных сопровождающих – принц Вильгельм и принцесса Виктория. Так что предпраздничный Питер гудит как растревоженный улей...

Лично у меня не вызывает сомнений, что мудрый старый кайзер в компании со своим канцлером, оценив выгоды от намечающегося союза между принцессой из Гогенцоллернов и наследником российского престола, активно способствуют ему. И когда они выяснили, что у наследника возникли некоторые проблемы, то организовали прибытие на поле боя тяжелой артиллерии, пары танковых армий и тактического ядерного оружия. В своем лице. Но если судить по восторженной телеграмме Вильгельма-младшего, то все это организовал он, ценой беспримерного героизма и титанических усилий.

Я тихо улыбаюсь своим мыслям. Ах, этот прекрасный, наивный XIX век. В нем еще остались рыцари, верящие в прекрасные порывы души. И прекрасные души тоже сохранились...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Поезд мерно постукивал колесами, а ее сердце колотилось

как сумасшедшее, с такой силой, что казалось, вот-вот вырвется из груди и помчится вперед, обгоняя локомотив. С самого утра она не находила себе места, пытаясь представить: какой она будет, эта долгожданная встреча?

Все те три месяца, которые прошли без Ники, она провела в непрерывных мучениях. Мать, а с ее подачи и отец пытались доказать ей, что любовь к «азиату» просто позорит принцессу Рейха. «В конце концов, если ты разлюбила порядочного и добродетельного Баттенберга, это еще не повод, чтобы связываться с этим «византийцем»! Неужели ты не видишь, что эти русские – просто варвары?! Ты слышала, что твой Ники натворил на одном из приемов?! Он назвал твою бабушку, великую королеву Викторию, старой шлюхой!» Боже мой, мама, можно подумать, что ей есть дело до того, как он кого назвал?! Ее Ники может называть кого угодно и как угодно, но ее это не касается. На Рождество он прислал ей чудный подарок – русский костюм с настоящими *der Kokoschnik* и *der Sarafan*, премило украшенными жемчугом, соболями и золотым шитьем. Когда она появилась в них на маскараде – впечатление было неизгладимое! Дедушка был восхищен, и бабушка тоже. А братец Вилли сказал, что этот костюм – истинное произведение искусства и красота всегда тянется к красоте.

Вот скоро уже замелькают в окне вагона домики петербургского предместья. Вот-вот будет вокзал. Он ждет ее на перроне? Там, конечно, будет официальная встреча, но он –

он придет встречать ее?

Нервной походкой она промчалась в салон, откинула крышку рояля и заиграла ту самую песню, что слышала в их первый вечер.

– Что, сестренка, не спокойна? – Вильгельм вошел, грохоча сапогами. – А что мне будет, если я дам тебе что-то очень важное, что должно тебя успокоить?

– Говори, говори! – кинулась она к брату.

Тот засмеялся, обхватил ее своей здоровой рукой, закружил по салону. Она замолотила его в грудь кулачками:

– Говори, говори скорее! Ну что же ты молчишь? Злой!

Вильгельм, хохоча, оторвал ее от себя и вытащил из-за отворота мундира небольшой бумажный конвертик. Она потянулась к нему, но брат ловко убрал руку, словно играя с котенком. Она попыталась схватить, но он снова и снова убирал от нее вожаденный конверт. Наконец, когда она готова была уже разрыдаться, Вилли широким жестом протянул ей конверт:

– Вот, возьми, сестричка, только не надо плакать.

Она лихорадочно пробежала две строки из Гейне:

Сохнут жаркие уста,
В одиночестве тоскую.

А ниже – приписка: «Я постарел на сто лет, ибо каждый день в разлуке был для меня годом». От записки тонко пахло

сиренью. Она прижала письмо к губам, и ей показалось, что бумага еще хранит тепло его рук...

Потом был вокзал в Петербурге, и оркестр, гремющий медью гимны двух держав, и выстроенные шпалерами русские гвардейцы. Дедушка медленно шел вдоль строя, а рядом с ним шагал громадный человек – русский император. За ними тяжело шел отец. В последнее время кронпринц чувствовал себя неважно и постоянно был раздражительным и грубоватым. Но русского наследника рядом с ними не было. Она не поверила своим глазам: неужели он не приехал? Слезы навернулись на глаза против ее воли, но тут же исчезли – к ней торопливо, наплевав на придворный этикет, шел, нет – бежал Ники. Несмотря на холод, он был в одном мундире, и в руках – огромный букет ее любимых чайных роз.

Спешившие позади него адъютанты загородили их от всех, и он просто обнял и даже чуть приподнял ее над землей. В этот момент она поняла, что счастливее ее на земле человека нет...

Рассказывает Олег Таругин

...Я поставил задохнувшуюся от счастья Викторию-Моретту на землю и протянул ей розы. Да уж, похоже, что Вильгельм был прав, когда в 1887-м сказал (вернее, должен был сказать, но теперь не скажет никогда), что она просто очень хочет замуж, и все равно за кого, лишь бы подходя-

щего пола. Странно, неужели эта воспитанная немочка действительно так рвалась в брачные узы?

– Ты скучал без меня? – Самый разумный вопрос, который может задать девушка.

– Я не скучал. – Ее лицо вытягивается, глаза широко открываются. – Я просто без тебя был мертвым.

Она расцветает и, видимо тоже забыв обо всех правилах этикета, обнимает меня. Из-за спины слышен страшный шепот Ренненкампа:

– Ваше Высочество! Идите к Их Величеству! Они уже сердятся...

Ага. Венценосец действительно крутит головой, грозно сверкая глазами. Рядом, словно из-под земли, вырастает Победоносцев:

– Ваше Высочество! Я понимаю ваши чувства, но...

Да ладно, ладно, уже иду. Ну вот он я, наследник престола российского, собственной персоной. Я подхожу к кронпринцу.

– Ваше Высочество... – Отдаю ему честь.

Он поворачивается ко мне и чуть наклоняет голову. От этого он становится похожим на больную, нахохленную ворону, которую по какому-то капризу обрядили в синий мундир. Очень светлые, почти бесцветные глаза уставились на меня безо всякого выражения. Хотя нет, выражение есть. Нехорошее такое выражение... Вот ведь зараза! Не можешь никак простить мне доченьку, англофил гребаный? М-да,

стоящий был бы кайзер, особенно для меня. Хорошо, что я знаю... Ну что ты уставился на меня, метастаза ходячая? Я единственный здесь, кто знает: кайзером тебе быть чуть более трех месяцев. У тебя уже неоперабельный рак горла, понял ты, колбаса немецкая?

А, вот и мой «сердечный друг», «кузен» Вилли. Стоит чуть поодаль, пытается сделать вид, что ему совершенно неинтересно. А завидует ведь принц Гогенцоллерн. Что делать, друг мой, что делать... Кронпринцем тебе практически не быть. Это я тебе мог бы сказать. Только не скажу. А вот прием на фиг испорчу. Прямо сейчас.

Я подхожу к Вильгельму и протягиваю ему руку. Он стискивает ее в железном рукопожатии. Левой рукой я приобнимаю его за плечо:

– Я чертовски рад, кузен, принимать тебя. Думаю, ты оценишь, насколько русские могут быть благодарны и как умеют принимать своих друзей.

– Здравствуй, кузен! – Его голос дрожит от волнения. Еще бы, чтобы так нарушать все традиции ради него! – Я очень... я тоже чертовски рад тебя видеть!

Краем глаза я вижу, как улыбается старый кайзер. Старикан не слишком любит своего сына, зато души не чает во внуке. Отто фон Бисмарк тоже чуть усмехается в знаменитые усы. А вот батюшка, кажется, недоволен. Правда, по физиономии Александра III почти невозможно судить о его настроении, но все-таки мне сердце вешует – недоволен само-

держец, недоволен...

...Вот наконец и закончился встречный парад. Прошли церемониальным маршем преображенцы, проскакали кавалергарды и лейб-улань, и теперь все вместе рассаживаются по саням. В первых, разумеется, оба императора. Во вторых – наследники. Должны были быть. Вот только я внес кое-какие коррективы в этот план.

Кронпринц Фридрих подошел к саням и уже оперся на руку Васильчикова, чтобы усесться назад, рядом со мной. А вот те шиш! Васильчиков бестрепетной рукой направляет его на переднее сиденье.

– Вашему Высочеству будет удобнее сидеть напротив Его Высочества и видеть его глаза, – по ясняет Ренненкампф на своем безупречном не мецком.

Вот только Павел Карлович забыл пояснить, что я собираюсь сесть не совсем напротив кронпринца. Поэтому стоит посмотреть на эту ошалелую физиономию, когда напротив него оказывается Моретта. А рядом с ним – «братец Вилли». Фридрих делает попытку вылезти из саней, но не тут-то было! Васильчиков, Хабалов, Шелихов и Махаев уже стоят на полозьях, Ренненкампф и Эссен заняли свои места по бокам от кучера, и я от всей души рявкаю: «Пошел!» Сани идут быстро и легко, и вот мы уже на заполненных народом улицах.

Я встаю и приветственно машу рукой. Фридрих пытается повторить мой подвиг, но Хабалов, повинуясь условному

знаку, толкает кучера в спину. Тот дергает поводья, и Фридрих тяжело рушится обратно на прикрытое медвежьей шкурой сиденье. Вот так, Ваше Высочество, у нас все делается только с моего разрешения.

Улыбнувшись, я предлагаю «братцу Вили» поприветствовать петербуржцев. И вот мы уже стоим, поддерживая друг друга. Так, а сейчас – первый номер нашей программы...

К нашим саням бросается несколько человек. Это студенты, курсистки, рабочие и работницы. И все тянут руки к Вильгельму. У мужчин в руках цветы, а девушки стараются поцеловать принца куда-то под его нафабранные усы. И все дружно выкрикивают здравицы на немецком языке. Разумеется, в его честь. Ого! А глаза-то у него на мокром месте. Он протягивает руки к приветствующим, что-то неразборчиво кричит им в ответ...

– Поразительно, – скрипит Фридрих. – Я никогда бы не подумал, что в вашей стране, Ваше Высочество, так обожают моего сына.

Ну, насчет «обожают» не уверен, но Васильчиков получил задание и с честью его выполнил.

– Ваше Высочество, – мой голос сух, как песок в Сахаре, – мой народ любит меня и готов полюбить моих друзей.

Бац! Вторая оплеуха кронпринцу. Нужно быть крошечным идиотом, чтобы не понять: раз тебя так не приветствуют – ты неходишь в число моих друзей. Но что-то я отвлекся, а ведь сейчас будет второй номер нашей программы...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Она сидела в санях, румяная от мороза, и прижималась к плечу Ники. Он нежно придерживал ее за руку, чуть поглаживая, незаметно для остальных. Ей все нравилось: и город, шумящий приветствиями, и быстрый лет саней по заснеженным улицам, и...

Внезапно она увидела, как к ней из толпы бросилась девушка в белой фате поверх легкой шубки. За ней торопился молодой офицер, бежали еще какие-то люди, но она видела только девушку. Та подбежала и протянула ей букетик из белых орхидей.

– Возьмите, Ваше Высочество. Пусть мой свадебный букет сделает вас такой же счастливой, как сделал меня.

Немецкий был плох, но понятен. Словно в забытии она протянула руку, взяла букет.

– Будьте счастливы на русской земле! – крикнула девушка ей вслед.

Она все еще разглядывала букет, когда Вилли откашлялся и произнес:

– Разве это не символично?

Интерлюдия

Ослепительный свет заставлял слезиться глаза, а голоса

звучали, точно далекие сирены тревоги.

– Таким образом, проверка комиссии ООН показала, что хотя действия доктора Фалина и магистра Крупиной носили характер преступной халатности, но промежуточный хроноконтакт не являлся заранее запланированным. Хотя, разумеется, наши коллеги должны были насторожиться, встретив аборигена, в одиночку напавшего на шестерых вооруженных противников ради спасения совершенно незнакомых лиц. Наши коллеги, между прочим дипломированные психотерапевты, не приняли во внимание наличие у данного аборигена боевого и руководящего опыта. Их не насторожил тот факт, что абориген самостоятельно пришел к выводу об их иновременном происхождении, совершенно спокойно воспринял их сообщение о хроноконтактах...

– Может быть, хватит лирики? – Низкий глухой голос прервал нервную речь говорящего. – Переходите сразу к существу вопроса, коллега.

– Да-да... Так вот, эксперты из комиссии ЮНЕСКО пришли к выводу, что матрикант проводит целенаправленные планомерные действия по изменению хронокластера реципиента. Судя по отрывочным данным наблюдений...

– Почему «по отрывочным»? – встрял заинтересованный фальцет.

– В связи с утратой группой Фалина мнемотранслятора постоянное наблюдение за действиями матриканта невозможно. А по отрывочным данным можно сделать следующие

выводы: матрикант подбирает и подготавливает себе людей, способных в дальнейшем занять ключевые посты в государстве. Подготовка кандидатов ведется с упором на силовые методы решения возникающих задач. ИД также ведет активную подготовку к реформированию вооруженных сил, основываясь на опыте позднейших военных конфликтов и собственном боевом опыте. Вероятно, он также попытается осуществить научную и техническую революции в России.

– Ну, так уж и революцию. Он что – гений?

– Нет. Но по оценке Фалина и Крупиной, матрикант обладает достаточным запасом знаний для определения круга первоочередных задач и отыскания людей, способных их решить. Уже отмечены его контакты с Менделеевым, Славяновым, Величко и другими ведущими деятелями науки и техники того времени. Особо отмечается опасность того, что матрикант, по-видимому, обладает значительным запасом сведений по истории развития науки и техники в период конца XIX – начала XX века. И как отмечают эксперты ООН, уже начали проявляться первые последствия его вмешательства.

– А именно? – Низкий голос заметно взволновался. – Что имеется в виду?

– Коллеги, прошу вас учесть, что информация совершенно секретна. Прошу всех выключить диктофоны и лингверы. На сегодняшний день уже отмечено 32 случая хроноамнезии.

Теперь гул голосов напоминал рев урагана, мчащегося на свое черное дело.

– После неудачной попытки захвата одного из лиц, близких к матриканту, последний провел, хотя и на примитивном, доступном ему уровне, тщательное расследование происшедшего. И что особенно настораживает: матрикант не только сделал верные выводы, но и обучил близких к нему лиц простейшей, но весьма эффективной форме защиты от внедрения психоматрицы...

– И что же нам теперь делать? – выкрикнул кто-то близким к панике голосом.

– Спокойно, коллеги, спокойно! – Председатель собрания дождался, когда в зале наступила настороженная тишина. – Мы, безусловно, продолжим попытки добраться до источника наших бед через реципиентов. Есть одна интересная задумка... Но основной упор будет сделан на другое. Поскольку мы затрудняемся остановить своими методами это безумие, Исполнительный комитет ООН настоятельно, я подчеркиваю, настоятельно рекомендовал нам привлечь к операции специалистов... э-э-э... другого профиля!

– Они нам что, десант там предлагают высадить? – снова встрял недовольный бас.

– Возможно, дойдет и до этого! – отрезал председатель, ответом ему был новый взрыв возмущения. Переждав его, председатель продолжил: – С настоящего момента все это дело берет под свой контроль спецпредставитель Генераль-

ного секретаря ООН – мистер Роджер Валлентайн. Прошу любить и жаловать!

– С вашего позволения – лорд Валлентайн! – Холодный голос пронесся по залу, словно снежный заряд.

В заднем ряду поднялся высокий плотный мужчина. Неспешно пройдя по проходу к подиуму, он встал рядом с председателем и оглядел примолкшее собрание из-под нахмуренных бровей.

– В связи с критической ситуацией, возникшей по вине вашего института, мне даны полномочия на проведение любых мероприятий, могущих остановить катастрофу, – веско обронил лорд Валлентайн. Зал в третий раз взорвался гулом возмущенных голосов. Невиданное дело – их, ученых, отдают на растерзание какому-то чиновнику, пусть и высокого ранга! Валлентайн мрачно усмехнулся и продолжил, не дожидаясь тишины: – Не беспокойтесь, до допросов третьей степени не дойдет!

После этой шутки (шутки ли?) в зале наступило относительное спокойствие.

– С чего планируете начать, коллега? – вложив максимум сарказма в последнее слово, задал вопрос фальцет.

– С таинственно и бесследно пропавшего мнемотранслятора, – ответил спецпредставитель. – После окончания собрания убедительная просьба подойти ко мне всем членам группы доктора Фалина.

Рассказывает Олег Таругин

Рождественский Санкт-Петербург – это... это... Ну не Куприн я, не Гаршин, не Станюкович и даже не Боборыкин. Потому и описать просто невозможно. Нет слов, чтобы передать эти балы, елки, фейерверки, катание на коньках и тройках. Вся рождественская неделя прокатывается передо мной, как одна большая цветная волна, оглушающая грохотом салютов и оркестров, ослепляющая пестрыми красками балов и маскарадов, вкусно благоухающая пряниками, ананасами и морозцем. И, разумеется, главную роль в этой волне сыграла Моретта. Целых семь дней мы вновь были неразлучны. И да простят меня моралисты запрошлого века, уже на третий день она была готова начать со мной жизнь во грехе. Не размениваясь на всякие мелочи типа помолвки и свадьбы.

Откровенно говоря, ее страсть начинает меня несколько настораживать. Эдак ведь после свадьбы она попробует припилить меня к своей юбке, а вот это уж никак не входит в мои планы. Хотя девица и мила и я вовсе не чужд плотских радостей (особенно в новом, молодом теле!), но я ведь здесь не на секс-каникулы остался... Ладно, поживем – увидим.

После попытки «хронокарателей» захватить Васильчиков я предпринял кое-какие меры предосторожности на будущее. Во-первых, Васильчиков тщательнейшим образом опи-

сал все симптомы ментального захвата, и каждый из моих близких вызубрил их как Отче наш.

Во-вторых, где-то я читал, что самый простой способ избежать ментального вторжения – занять мозг рутинной, монотонной работой. Я не знаю, можно ли попробовать «оседлать» меня самого – черт их, потомков, знает, а ну как можно вторгнуться и в уже захваченный мозг, но на всякий случай освежил в памяти таблицы Брадиса. А все мои адъютанты и ординарцы в любой момент готовы начать вспоминать все молитвы и строевые песни, какие только знают. Авось поможет.

Кстати сказать, я дал самое простое объяснение происшедшему. Все просто, господа, – это болезнь такая. Ну, что-то вроде лунатизма или помешательства. Мол, болячка эта редкая, но иногда случающаяся чуть ли не эпидемиями. Бойцы проглотили легенду, не задумываясь, и теперь готовы встретить «болезнь» во всеоружии.

Новый год прошел, и царская семья вместе с высокими гостями перебралась из Питера в любимую Александром Гатчину. Я могу только приветствовать этот переезд: в парке много укромных местечек, весьма подходящих как для поцелуев с Мореттой, так и для занятий рукопашным боем.

Как-то раз на наши молодецкие забавы поглядел «кузен Вилли» и тут же загорелся попробовать. И попробовал. Чтобы уравнивать шансы (ха-ха!), я засунул левую руку за ремень, хотя благородный Вильгельм и считал, что это лишнее: ведь

он на целых семь лет меня старше, а значит – сильнее. Это пагубное заблуждение покинуло его секунд через восемь, когда его, болезного, вытягивали из сугроба. Эх, собирался же ведь поддаться, да уж больно хорошо он стоял. Рука и ноги сами все сделали, не дожидаясь команд от головы...

К чести Вильгельма, он совершенно не обиделся. Только когда очухался – стал выпрашивать у меня Васильчикова. Или Ренненкампа. Или далее списку. Хоть одного. Чтобы научил. Ну своих, кузен, я тебе, ясен перец, не отдам, но на счет кого-нибудь из казачков – подумаем...

Во время одной из прогулок с Мореттой мы, «совершенно случайно», попались на глаза моей августейшей матушке. Хабалов и Васильчиков наладили контакты с ее фрейлинами и, действуя через них, сумели направить прогуливающуюся императрицу в нужное место.

Матан застала нас в момент жаркого объяснения в обоюдных чувствах. Моретта так очаровательно смутилась, а потом мы оба так слезно умоляли Дагмару о благословении, что она не выдержала. Растаяв окончательно, Мария Федоровна поименовала Моретту дочерью, поцеловала ее и дала согласие на помолвку. Есть! Победа! На радостях я чуть сильнее обычного приложился вечером к плодам французской провинции Шампань и встал поутру с больной головой. Но с радостным сердцем...

– ...Ваше Высочество! Пожалуйте к Их Величеству!

Интересно знать: что это моему «папашке» понадобилось от меня в такую рань? Ведь еще и одиннадцати нет. Не терпится поговорить со мной о помолвке? Дату обсудить? Наверное: о чем мне еще с ним разговаривать?

Оставив свою «свиту» за дверями, я прохожу мимо караула дворцовых гренадер в кабинет к царю. Так, похоже, топ-топ успел «заправиться» с самого утра. Черняев так и вообще на сомнамбулу похож. Еще бы: телосложением-то он помельче будет, а пить приходится наравне.

Его Величество манит меня к столу.

– Вот что, наследник. Решили мы тебе разрешить с этой немкой обручиться.

Спасибо на добром слове. Знаю я, кто «решил разрешить».

– Благодарю вас, Государь, – я стараюсь выразить максимум радости в голосе. – Вы сделали меня счастливейшим человеком на свете.

– Теперь так, – басит Александр. – Вот, подойди-ка, посмотри, как мы это решили организовать...

Он встает из-за стола, обходит его, показывает на разложенные на нем бумаги. Интересно, интересно: чего это они с пьяных глаз напридумывали?

Я склоняюсь над столом. И в тот же момент оказываюсь словно зажатым в стальные тиски. Одной рукой Александр резко прижимает меня к себе, а другой закрывает рот, не давая издать ни звука. Я делаю попытку вырваться, цепляю

его ногой за лодыжку... Тщетно! С тем же успехом я мог бы попробовать выдернуть фонарный столб.

– Скорее! – рычит Александр.

Черняев вытаскивает что-то из стола и идет ко мне. В руках у него... Шприц! Мать вашу! Надо же было так бездарно попасться!

Я изо всех сил начинаю вырываться. Кажется, хватка ослабевает. Ну, ну еще чуть-чуть...

Рука, закрывавшая мне рот, внезапно исчезает, а через миг мне перелетает пудовым кулачищем в бок. Ох ты! Меня никогда не били копром для забивания свай, и я не испытываю ни малейшего желания это испытать, но теперь я, кажется, знаю, на что это похоже.

Из меня выбит воздух, я судорожно силюсь вдохнуть, но рука уже снова закрыла мне рот. Черняев совсем рядом... Не-е-ет!

В отчаянии я повисаю в руках «императора» и со всей дури быю «Черняева» обеими ногами в грудь. Того подбрасывает в воздух, и он тяжело рушится на пол, попутно приложившись головой к столу.

От инерции удара качнуло и «Александра». Мне удастся извернуться, и я наношу хлесткий удар расслабленной кистью куда-то назад, мечтая попасть в пах. Если судить по тому, как дернулся нападающий, я попал. А ну-ка еще...

После четвертой попытки рука, зажимающая мне рот, слабеет. Я резко дергаю головой. Ура! Рот свободен!

– Ко мне! Помо... – Конец фразы комкается вторым ударом «копра».

«Черняев», должно быть, получил презрительно, потому что лежит совершенно неподвижно. Шприц выпал из его руки и теперь валяется возле стола. Туда-то и волочит меня «Александр», пытаюсь, видимо, закончить все в одиночку...

За дверью грохает выстрел, затем дверь с треском распадается, и в нее влетает медвежья шапка дворцового гвардейца. Через мгновение за ней следует ее обладатель, с выпученными глазами на окровавленном лице. Он мешком налетает на «императора», чуть не сбивая нас обоих с ног. А следом в кабинет врывается моя банда.

– Назад! – рывкает «Александр» грозно. – Прочь!

С полгода тому назад это, может быть, и сработало бы, но с тех пор многое изменилось. Ренненкампф, не говоря худого слова, нацеливает «смит и вессон» прямо в лоб «самодержца».

– Руки вверх! Буду стрелять! – сообщает он таким голосом, что совершенно очевидно: это не шутка.

А вот интересно: если «Александр» сейчас свернет мне шею, а мои орлы его за это пристрелят – во что все это выльется, с исторической точки зрения?

Хронокаратель не собирается меня отпускать, но, видимо, если его здесь убьют, то в будущем у него тоже возникнут некоторые неприятности. Пат.

Да нет, не пат. Краем глаза я вижу, как Шелихов осторож-

ненько смещается в сторону. Давай, милый, давай, родной...

Они кидаются вперед все вдруг. Эссен взмахивает кортиком, и я чувствую, что руки, сжимавшие меня, слабеют. Звучит несколько глухих ударов. Свобода!

Я моментально откатываюсь в сторону, вскакиваю на ноги. Ого! Досталось императору по самое не могу. Голова в крови (рукоять револьвера Ренненкампа подозреительно сверкает красным лаком), рука пропорота (кортик Эссена тоже в крови), мундир разорван (в руках у Егора и Филимона куски сукна). Но это еще не конец. Ну ладно Шелихов с Махаевым, но адъютанты-то, адъютанты! Цвет русского дворянства яростно месит ногами упавшего царя. Э-э! Вы что творите? Он же сейчас от «геморроидальных коликов»¹³ скончается!

– Отставить! Прекратить!

Они поворачиваются на мой голос «все вдруг». Затем кидаются ко мне:

– Государь! Вы живы!

– Государь, вы не пострадали?

– Батюшка, твое величество, цел ты?

Я кое-как успокаиваю своих спасителей. А в коридоре уже слышен топот ног, крики, команды.

Мои парни мгновенно смыкаются вокруг меня. Картина маслом: на полу лежит окровавленный всероссийский самодержец, возле стола – его адъютант с пробитой башкой, в

¹³ От этой «болезни» скончался, по официальной версии, Петр III.

центре кабинета стоит расхристанный цесаревич, вокруг которого ошетинились револьверами Ренненкампф, Васильчиков и Хабалов, и выставили вперед кортик, шашку и бебут¹⁴ Эссен, Шелихов и Махаев соответственно.

Я лихорадочно соображаю. Если сейчас сюда ворвутся люди – быть беде. Быть большой беде! Эта шестерка рассуждать не станет. Если уж они на царя руку подняли, то остальных... Да они их в мелкую сечку покрошат!

– Быстро! Дверь закрыть! Тела из коридора убрать! Хабалов, Махаев: делайте что хотите, но чтобы четверть часа сюда никто не входил! Хоть дворец поджигайте!

Я подхожу и нагибаюсь к Александру. Ну, жить, похоже, будет, вот только интересно бы знать: кем? Это вообще Александр или внедренец? Вот сейчас как очухается да как обвинит меня с моими ребятами в попытке переворота. Вот будет номер! Может, его и в самом деле... того?

– Государь, – негромко произносит Васильчиков, – позвольте нам закончить. Пожалуйста...

– Все равно не будет проку от сумасшедшего на троне, – добавляет Ренненкампф. – Государь, вы молоды, вы умны, при вас Россия расцветет...

– Царь-батюшка... – Господи, и Шелихов туда же! – Дозволь. Я его легонько, он и не почувет даже.

Эссен молчит, но по его лицу видно, что с предыдущими

¹⁴ Кривой кинжал. С 1907 года состоял на вооружении русской армии под наименованием «кинжал кривой солдатский обр. 1907 года».

ораторами он согласен на все сто. Э, э, э!

– Николай Оттович, не надо отдавать Егору кортик. Ради бога, подождите. Видите, он приходит в себя...

Александр медленно поднимает голову.

– Это что было? – интересуется он своим утробным басом.

Ну, судя по его реакции, он – это он.

– А это вы, батюшка, меня убить решили, – холодно роняю я. – Черняева вон, убили, за то что за меня заступился, гренадера своего – тоже. Спасибо моим ребятам, что отбили...

Он тупо смотрит вокруг. Вид разгромленного кабинета приводит его в состояние ступора. За дверью шумят голоса, Хабалов рявкает что-то грозное, и голоса стихают. Я не слышал точно, что он сказал собравшимся за дверями, но готов присягнуть, что в его короткой, но содержательной речи присутствовало слово «стрелять».

Император медленно встает на ноги. Его пошатывает (еще бы: рукоятью револьвера – по башке!). Он тяжело поворачивается ко мне. Мои парни теснее смыкаются вокруг меня. Ну, что скажете, Ваше Величество?

– Колька, – голос срывается и дрожит. Мамочка, да у него слезы! – Колька. Ты прости меня, дурака пьяного. Господом Богом клянусь: ничего не помню. Как отрезало...

У него трясутся губы. Он нерешительно протягивает ко мне руки, и мне вдруг становится нестерпимо жалко этого огромного, нескладного человека. Он совершенно не похож на моего покойного отца, но все отцы все равно чем-то по-

хожи...

Я раздвигаю своих защитников и подхожу к нему. Прижимаюсь к его груди, обнимаю. Как своего отца...

– Батюшка. Простите и вы меня...

Он неуклюже гладит меня по голове, сильно прижимает к себе. Но теперь это совсем другая сила.

– Отрекись, – шепчет он мне на ухо. – Вот женим тебя – и отрекись. Только смотри, Колька, водки не пей. Вон она что делает... Черняева...

Внезапно он всхлипывает и начинает заваливаться на бок. Мы подхватываем его и кое-как доводим до кресла. Александр тяжело рушится в него и тихо, беззвучно рыдает. Видно только, как вздрагивают могучие плечи.

Пора уходить отсюда. К императору нужно прислать су-пругу и врачей. А мне... Мне просто тяжело здесь оставаться.

На пороге кабинета я оглядываюсь. Человек-гора съежился в кресле и чуть заметно покачивается. Острая жалость снова полосует сердце. Теперь он остался совсем один. Надо к нему поласковее, жалко его. Царь-то он был не из последних...

Из сожженного письма ЕИВ Александра III ЕИВ Марии Федоровне

Моя милая душка Минни, собственная моя маленькая же-

на!

Прошу у тебя прощения за то, что был невежлив по отношению к тебе, когда вы были рядом со мной после произошедшего ужасного случая. Я вообще не люблю, да и не умею передавать свои душевные мысли и думы, но, помня советы Перовского¹⁵, решил изложить на бумаге то, что вырывается само из души.

Тогда мне было необходимо побыть одному, обдумать со мной произошедшее, решить для себя, как быть дальше. Вы суетились рядом со мной, задавали вопросы. Ты отирала кровь с моей головы. Милейший наш доктор измерял температуру и ставил примочки. А я молчал или отговаривался, что совершенно ничего не могу вспомнить. Когда ушел доктор, а ты осталась рядом со мной, желая провести ночь вместе, я просил тебя уйти, невзирая на твою обиду, которую я прочитал в твоих глазах. Мне больно смотреть, как ты, расстроенная, поджав рот, отправилась в свои покои. В голове все шло кругом, разобраться нельзя было в этом омуте, и друг друга нам было не понять!

...Я помнил все произошедшее в кабинете до мельчайшей подробности, но ни с кем не собирался делиться этим знанием.

Позавтракав с Черняевым, я собирался заняться бумага-

¹⁵ Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – граф, генерал-адъютант, начальник Корпуса путей сообщения (1858-1860), наставник старших сыновей Александра II, в том числе Александра III.

ми, вдруг в голове словно помутилось, как бывает от близкого разрыва гранаты. Тело больше не подчинялось мне, боком соскользнув со стула, я упал на пол, почувствовав сотрясение, но ни малейшей боли. В следующее мгновение я обнаружил себя встающим на ноги. Ощущение тела не возвращалось, я видел смещающуюся из стороны в сторону обстановку кабинета, но не мог направить взгляд хоть на что-то по своему желанию.

Неясные мне мысли, быстрые и холодные, угрями скользили у меня в голове.

*The fixation of psychomatrix in the recipient's consciousness*¹⁶.

Я не успевал понимать, что происходит со мной. Перед глазами возникла моя собственная ладонь и сжалась в кулак до хруста в костяшках. Затем я увидел, что зачем-то приподнял стол и поставил его на место.

*Yes, he is a baer!*¹⁷

Чужая мысль прошелестела в голове.

«Пс-с-с-ст!» Я услышал звук и понял, что издал его сам, помимо воли.

– Doc! Call your bloody defector! Quick!¹⁸ – снова услышал я из своих уст. Передо мной, растерянно оглаживая ладонями свое платье, стоял Черняев. И обращался я именно

¹⁶ Фиксация психоматрицы в сознании реципиента (англ.).

¹⁷ Да, действительно медведь (англ.).

¹⁸ Доктор, быстро зовите вашего чертова невозвращенца (англ.).

к нему. – We've got no time!¹⁹

*Don't twitch, big guy. I've got you already, and will get your damn sonny as easily!*²⁰ – очередная чужая мысль резанула мозг.

Яростной гневной вспышкой я на секунду смог поднять руку к лицу. И подумал душевной молитвой отогнать беса, вселившегося в меня, но, начав молиться, вместо просветления, я ощутил темноту, накатывающую на меня со всех сторон.

*Pray. Drink your vodka from the saucer, Russian bear, and get into your den. Your lot should know your place!*²¹ – голос в голове явно издевался надо мной.

Из всех сил я воззвал к Господу!

*He's had it. This damn son of a bitch won't help you beat the rap. I'll wring from him the bastard that decided to change everything!*²²

Багровый мрак скрыл от меня свет...

...Ты знаешь мое отношение к тем смутным временам, начавшимся после смерти горячо любимой Мама́²³. Вся грязь,

¹⁹ У нас мало времени! (англ.).

²⁰ Не дергайся, большой парень. Я уже скрутил тебя, а позже, так же легко, скручу твоего чертова сыночка (англ.).

²¹ Молись. Пей свою водку из блюдца, русский медведь, и полезай к себе в берлогу. Вы все должны знать свое место (англ.).

²² Ну, вот и спекся. Чертов сукин сын не вытащит вас за уши из вашего болота. Я сам вышибу из него ублюдка, решившего все изменить (англ.).

²³ Мама́ – мать Александра III, императрица Мария Александровна (1824–

все дрянное вылезло тогда наружу и поглотило все светлое, все святое! Ангел-хранитель улетел, и все пошло кругом, чем дальше, тем хуже, и наконец увенчалось этим страшным, кошмарным и непостижимым.

Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой милой Мама́. Она постоянно нами занималась, своим примером и глубоко христианской верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама́ мы, все братья и Мари, сделались истинными христианами и полюбили и веру и церковь. Сто раз прав митрополит Платон, говоря, раз есть Бог, значит, есть и Дьявол. Даже тогда, находясь в этой багровой и ватной темноте, лишенный контроля за своим телом, я ни на секунду не усомнился в истинном свете слова Господня. Искренне молясь и не впадая в отчаяние, я старался отогнать демона, захватившего меня. Демона, думавшего по-английски, на языке врагов давних и подлых. Теперь мне был понятен успех, сопутствовавший им во многих делах, не имеющий объяснения с точки зрения рациональной. Ясно, что они, боясь потерять жизнь, что ждет их души кроме адовой серы, страшатся воевать против нас напрямую, выставляя перед собой союзников или другие страны. У России союзников в этой войне просто нет. Как поздно

1880) – урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская, дочь Людвига II, Великого Герцога Гессенского, при крещении в православие получила имя Мария Александровна.

мне явилось понимание многих обманов, произошедших с нами! Подействовала ли моя горячая молитва, явилось чудо Господне, или по другой причине, но наваждение отступило. Первым пришло ощущение боли, и я был рад ему, как солнечному лучу. В ушах били колокола, приподняв голову, я неожиданно увидел перед собой взъерошенного Ники, вглядывающегося мне в лицо, и офицеров его «малого двора»...

...После твоего ухода я долго сидел на кровати, потом просил подать закусить и пил чай, больше я даже думать не хочу о водке или вине. Именно через водку и вино, я думаю, бесы нашли ключик ко мне. Ужасно было тяжело и грустно. Спать я не мог совершенно, чувствовал себя совершенно разбитым морально.

Мне совершенно не с кем было посоветоваться или даже поговорить о произошедшем. Только с Мама́ и Никсой я мог быть так откровенным. Сколько бывало разговоров самых разнообразных, душевных; всегда Мама́ выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила что ответить, успокоить, побранить или одобрить. Папа́²⁴ я очень любил и уважал, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог столько со мной заниматься, как милая, дорогая Мама́. Всем, всем я обязан Мама́ – и моим характером, и тем, что есть! Кроме Мама́, только один человек имел влияние на мою жизнь и характер – это дорогой брат и друг Никса, все остальные только мелькали перед моими

²⁴ Папа́ – император Александр II.

глазами и умом, и ничего меня не останавливало обратить на них внимание. Но увы, сейчас их нет, этих единственно дорогих мне людей: Мама́ и Никсы.

Милая душка Минни, как мало я сам уделяю внимания нашим детям, уже выросшим и встающим на взрослый путь, и как боюсь я их потерять. Бесы целили в Ники, посчитав его опасным для себя, они ведь чуть не убили мальчика моими собственными руками!

Надо что-то решать с этими несносными британцами, ведь они уже окружили нас своими «интересами» со всех сторон, действительно как медведя в берлоге. Ничтожная нация, обманом правящая миллионами людей разных народов на всех континентах. Может быть, не все они в союзе с Врагом, должны остаться чистые души среди них, не поддавшиеся искушению, но об уступках и отсрочках в борьбе с ними мы должны забыть. Всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избежать ужасов войны. Сейчас выбора нет, мы срочно должны готовить все силы, с одной только определенной целью, иначе о нас не останется воспоминания.

Вечером подходил начальник дворцовой охраны, докладывал, что во флигеле собрались лейб-гвардейские офицеры разных полков, и о том, что к ним вышел Ники. Начальник охраны просил разрешения задержать всех собравшихся сию минуту. Получив мой отказ и не понимая мою апатию,

он был крайне огорчен, сказав, что я собираюсь повторить печальную судьбу несчастного Павла Петровича. Мне пришлось настоять на своем и категорически запретить предпринимать какие-либо действия. Отнюдь не фатализм двигал мною. Я подумал, что государь, подверженный влиянию бесов, не имеет права оставаться на троне, и Царь Небесный должен рассудить его, ибо все только в его руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.